

ISSN 2309-1584

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

№3 (21), 2018

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

научный журнал

№3 (21), 2018

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

Сергей С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

дизайн — Д. Муслимов

Адрес журнала в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.9.2018. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2018

© Редакция журнала, 2018

Назиревский архив
2018 № 3 (21)

Содержание

Публикации	8
Стихи	8
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Биографический отдел	94
Воспоминания студентов филологического факультета БашГУ разных лет	94
Исследования	99
О стихах Р. Г. Назирова	99
<i>А. М. Буранчин</i>	
Мнение	115
Анкета журнала «Назиревский архив»	115
Библиография	119
Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	119
Правила для авторов	120

Публикации

На 1 декабря 1956 года:

1 фунт sterlingов - 11 рублей 20 коп.

1 доллар США - 4 рубля.

Французские франки за 1000 -

11 рублей 43 копейки. Значит, один франк равен 1,143 копейки, чуть больше одной копейки. В сентябре 56г.

в Англии буханка хлеба стоит 1 (один) шиллинг, т.е. 56 копеек.

Сергей Бсени сложился под влиянием Блока, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, а также Бунина и Куприна. Клюев, Кушков, Имакинские тоже повлияли, но не стоит преувеличивать.

Публикации

Стихи*

Р. Г. Назиров

1.

Пусть блещут перуны, пусть громы рокочут,
Пусть дикие ветры свистят,
Пусть дома и нивы клюёт красный кочет,
Пусть мозг леденеет в костях,

Пусть кровь застывает, и сердце смолкает,
Лишь редкий давая толчок,
Пусть храбрость бледнеет, и ум улетает,
И кружится мысль, как волчок, —

Ты твёрдой рукою в железной перчатке
Дрожащее сердце сдави,
Скажи себе властно: «Всё будет в порядке»
И бремя тревог оторви,

И брось его прочь, собери свои силы,
Борись, непокой возлюбя. . .
Тогда будь уверен: до самой могилы
Ничто не осилит тебя.

15 августа 1952

2.

Песок ристалища твоей пропитан кровью,
Ты всё слабеешь — близок, близок час!
Но помни, там, под бархатною бровью,
Надеждою горит любимый глаз.

Твой щит расколот, меч твой притупился,
Но синие глаза полны тобой.

*Публикация А. Буранчина. См. его статью о стихах Назирова в этом номере.

Так что ж, вперёд! Ты, право, славно бился.
Веди, веди, веди свой смертный бой!
Песок ристалища твоей пропитан кровью,
Ты ею оплатил бесценный дар.
Все силы порождённые любовью,
Вложил в последний мастерский удар!
Ты видишь, твой противник оступился,
Скорей вперёд, смотри, — и он устал. . .
Взмах — свист меча — прощай, ты славно бился,
И вместе с ним ты биться перестал.

3.

Кишит и играет лукаво и злобно
Коварный и хищный, как женщина, вал.
Промедлить мгновение — смерти подобно,
Вдвоём мы вращаем штурвал.
Тревоги, сомненья сердца наши гложут:
К Нептуну, как видно, настал наш черёд.
Солёные брызги не сохнут на коже. . .
Смотри неустанно вперёд!
Смотри и борись, заглушая сомненья!
Бурун в кабельтове! Друг, право руля!
Зловещие ветер ведёт песнопенья,
Но справа по носу — земля.
Теперь осторожнее: рифы и мели,
Товарищ, внимательней, зорче, гляди!
Нам было б досадно погибнуть у цели. . .
Эй, что там стоит впереди?

4.

В ресторане люстры ярко светят¹,
Надоедливо лабает джаз,
Я сижу хмелён и неприметен,
Притупив в бокале горечь глаз.

¹В рукописи данное стихотворение записано Р. Назировым на небольшом по размеру листке бумаги и, видимо в целях экономии, слова стоят в ряд, но строфы выделены заглавными буквами; судя по смыслу — написано в ресторане. Здесь текст стихотворения дается в «развернутом» виде.

На столе зелёный лес бутылок.
Есть салфетка, есть и карандаш.
Если человек от пива пылок,
За такого вряд ли много дашь.

Если загрустил ты над стаканом,
Значит водка в прок тебе не шла
И своим целительным обманом
Молодой души и не обожгла.

Я смотрю в окно, где ветер веет,
Где грустит берёза на ветру.
Шум берёзы мне всегда милее,
Саксофоны мне не по нутру.

Помню это утро голубое —
Где берёз весёлая семья,
На скамейке отдыхали двое,
И из тех двоих один был я.

5.

Весна

Вода и слякоть на бульварах,
Уже вверху кричат грачи.
Иду, теряясь в нежных парах,
Ловлю закатные лучи.

Повсюду шопоты, улыбки,
И жёлтых фонарей венки.
Среди влюблённых, шагом гибким
Иду, как прежде, одинок.

Нет ни к кому во мне участия,
О чём мне с ними говорить?
На миг, среди чужого счастья,
Остановлюсь я закурить.

И, чиркнув спичкой равнодушной,
Взгляну сквозь дымное кольцо
На промелькнувший шарф воздушный
И чьё-то светлое лицо.

Вновь мерю ровные шаги я,
Гляжу на встречных, и курю,

И: «Добрый вечер, дорогие!» —
Всему бульвару говорю.

26 марта 1955

6.

Сны¹

Чёрными, чёрными ночами мне снятся красные сны.
Чудится тень за плечами, дыхание грозной весны.
Чья-то рука горяча и стены чужой страны.
Чудовищных псов ворчание, и ропот коварной волны.
Лодка идёт по ветру, и я сижу на руле.
Шторм разыгрался где-то, спешу я к твоей земле.
Сиянье далёкого света говорит о домашнем тепле.
Я спешу, обогрет приветом маяка на высокой скале.
Потом коридоры, лестницы, громадный заброшенный дом².
В этом таинственном месте я продвигаюсь с трудом.
Мерцание бледного месяца весь мир заливает льдом,
Но что-то хорошее грезится мне в этом замке седом.
Бьют полночь часы старинные, под сводами гулко звеня.
Опять коридоры длинные, где двери тайну хранят.
И вот ты сидишь у камина и слушаешь гул огня.
Я пришёл, моя радость единая, и ты целуешь меня.

7.

Утренняя заря

Заря, девчонка краснощёкая,
Глядится в зеркало озёр,
И песня старая, далёкая,
Тревожит голубой простор.
Ты помнишь, нам заря смеялась,
Как мы с тобою вместе шли?
Навстречу девушка попалась
С ногами смуглыми в пыли.

¹Внизу есть пометка автора — «Из цикла “Моей единственной”».

²Последние две строфы записаны не по размеру, но выделены заглавными буквами; здесь приведены в порядок.

Глаза весёлые, лучистые,
Улыбка на лице светла. . .
Быть может, это зорька чистая
Дорогой пыльною прошла.
Опять вернулось лето красное¹,
Идём мы, на ногу легки,
И как тогда на² солнце ясное
Опять глядим из-под руки
Заря нам прямо в сердце просится,
Улыбкой за душу берёт.
А песня старая разносится
И славит солнечный восход.

8.

Не уходи

Тяжкие нерадостные мысли
Резко мой нарушили покой.
Струны счастья оборвались,
Разошлись мы с тобой
Нет уж тех ночей волшебной сказки.
Сон любви рассеялся, как дым.
Взор твой прежде полный ласки,
Стал тяжёлым и чужим.
Не уходи!
Побудь со мной ещё минутку.
Не уходи!
Мне без тебя так будет жутко.
И чтоб вернуть тебя,
Я буду плакать дни и ночи.
Ты грусть мою пойми,
Молю: не уходи!

9.

Ни ветерка, ни облачка над городом,

¹В рукописях последние две строфы даны с пометкой Р.Назирова: «объединить»; здесь для удобства восприятия приведены под общий размер стихотворения.

²Написано поверх зачеркнутых слов: «На нас с тобою».

И жаркий полдень всё кругом гнетёт.
По улице горячей с видом гордым,
Смуглее бронзы девушка идёт.
Красивый стан, походка королевы,
А волосы — как золотой венец.
Смотрю спокойно я. «Отлиты все вы,
Все — на один тот же образец.
Ласкается — погладь её нежнее.
Упрямится — ударь её хлыстом».
И я шаги замедлил перед нею,
Чтобы в лицо ей выпалить дымком.
Я папиросу бросил ей под ноги,
И в синем взоре вспыхнул дикий гнев.
Я невзначай коснулся недотроги —
Видали мы почище королев.
Я шёл и думал: «Хороша лошадка!
Характер есть — и взгляд такой шальной.
Сегодня я пойду на танцплощадку,
И ей придётся танцевать со мной».

10.

Одиночество

Блеснул новорождённый месяц,
И лёг на город вечер синий.
Стоят в молчании деревья,
На их ветвях мохнатый иней.
Пластами снег лежит на крышах,
На стёклах лилии цветут.
Иду я улицей, и кто-то
Меня зовёт сквозь темноту.
Я обернусь, среди прохожих
Ищу глазами, кто зовёт.
Нет никого. Мне показалось.
И снова я иду вперёд.
И кто-то, слышу, в синем мраке
Вновь моё имя выкликает.
Смотрю, но никого не вижу,

И кто-то зовёт меня, не знаю.

11.

Знакомство с девушкой

Мой друг пришёл ко мне однажды
И говорит: «Пойдём со мной.
Тебя сейчас же познакомить
Хочу я с девушкой одной».

Мы вышли с ним, в автобус сели,
Но вот несчастье — брать билет.
Мы друг на друга поглядели:
У друга ни копейки нет.

А у меня звенело малость,
Я за билеты заплатил.
На папиросы не осталось,
Чем раздосадован я был.

От настроения плохого
Я другу закатил скандал:
Зачем, мол, я с тобой поехал,
Какого чорта не видал!

У дома девушки мы слезли,
Я друга крыл на все бока.
Он у её дверей сердито
Нажал на чёрный пуп звонка.

И девушка нам дверь открыла, —
Я очарован ею был.

Я от волнения снять галоши
И поздороваться забыл.

Бывает, вот такую встретишь,
Все струны в сердце зазвенят.
От неожиданности вздрогнув,
Ты скажешь: «Это — для меня!»

Вот точно так со мною было:
Пришёл, увидел, полюбил!
И в этот вечер от любимой
Я ни на шаг не отходил.

О чём попало говорили,

Но стоило поднять ей взор,
И мы глазами заводили
Совсем особый разговор.

Настало время расставанья,
И сердце ёкнуло в груди.
Она сказала: «До свиданья!
И непременно приходи».

Мы шли домой. Друг был доволен
И важным тоном произнёс:
«Знакомство с девушкой хорошей
Дороже пачки папирос».

12.

Теория и практика

Три студента курят папиросы,
В коридоре вдумчиво стоят.
Освещают важные вопросы,
О любви, о чувствах говорят.

Говорит один, очки поправя,
Голосом могучим и густым:
«О любви, друзья, судить я в праве
И скажу: любовь — как этот дым.

Горький опыт за моей спиной,
Знаю, что любовь всех бед страшней.
Вам известно — я гулял с одною. . .
Вам известно — как порвал я с ней».

И другой, пуская кольца дыма,
Подтвердил с учёным видом:
«Да.
Истина гласит неумолимо,
Что любовь — сплошная ерунда.

У меня есть тоже опыт в этом
(Ведь за каждым водятся грехи).
Помните, я в местную газету
Помещал любовные стихи».

А товарищ третий молча курит
И, курия, как вымерший, молчит.

«Что ты думаешь об этой дури?» —
Друг в очках студенту говорит.
И очнувшись от вопросов этих,
Погасив окурок в два плевка, —
«Я люблю! — студент ответил третий. —
И о чувствах помолчу пока».

13.

Секрет любви

Толпа студентов в коридоре
И запасных улыбок ряд:
Фотограф с видом деловитым
Наводит фотоаппарат.
Там девушка посередине
С осанкой гордою стоит,
И каждый парень к ней поближе
Скорей протиснуться спешит.
А тот, кого она любимым
И другом дорогим зовёт,
Стоит спокойно где-то с краю
И в кадр, быть может, не войдёт.
И видя, как все к ней теснятся,
Он еле сдерживает смех:
В сторонке где-то оставаясь,
Он всё равно к ней ближе всех.

14.

Минуты

Ровно семь часов настало,
На часы студент глядит.
Зимний вечер очень долог,
И колючий снег¹ летит.
Ждёт студент на перекрёстке,
Он в толпе один совсем.
Вот уж пять минут восьмого,

¹Вар: И сухой снежок

А сказала: «Буду в семь».
Ждёт студент, жестоко мёрзнет,
Парень честный и простой,
И ползёт по кругу стрелка
С похоронной быстротой.
Ветер хлещет щёки снегом
И с насмешкою поёт:
«Уходи, студент упрямый!
Обманула, не придёт».
В двадцать пять минут восьмого
Он отправился домой.
Тут она навстречу: «Здравствуй!
Опоздала, милый мой?»
И в глаза студенту смотрит,
Нежно под руку берёт
И, к нему пристроясь в ногу,
Вдоль по улице идёт.
И хоть он молчит сурово,
Не случится ничего:
Ровно в полчаса восьмого
Гнев развеется его.

15.

Дни зимы

Что за дни стоят у нас,
И не снилось мне такое!
Весь обсыпан город наш
Белой сахарной мукою:
Все сады из серебра,
Спят чеканные аллеи,
И нетронуты снега
Под деревьями белеют.
Вот и твой высокий дом:
Занавеску ты сдвигаешь
И безмолвно за стеклом
Головою мне киваешь.
Вмиг исчезла грусти тень,

Думы светлые родятся.
Впору в этот белый день
Полной грудью засмеяться.

16.

Облетает осень золотая

Облетает осень золотая,
Дождевыми каплями звеня.
Ты ушла навеки, дорогая,
Не взглянувши даже на меня.
«— Мы чужие». И ни слова кроме
Не сказала на прощанье мне.
Я остался в сумеречном доме
С карточкой твоей наедине.
Вот уже спустился звёздный вечер,
Я всё ту же думу берегу:
Больше никогда тебя не встречу,
А забыть вовеки не смогу.

17.

Опять весна

Несмелой листвы шелестенье,
Прохладного неба объём,
И девушки в платьях весенних
Идут по аллее втроём.
Гляжу на прекрасные лица,
Любуюсь на свежесть их рук.
Весна в моё сердце стучится,
И всё расцветает вокруг.
Смеются две светлых головки,
Веселье в глазах голубых.
Как милы мне эти плутовки,
Как много забавного в них!
Но третья совсем не смеётся,
Она так сурово глядит.
Что ж сердце дурацкое бьётся

И следом за нею летит?
Земля всё по-старому вертится,
Весна разгулялась вновь.
Опять безрассудное сердце
Попалось на чёрную бровь.

Весна 1954

18.

Матовые шары

Закат горел: пожар ли, зарево ли?
Закат был яростно багров.
На тёмной улице мы разговаривали
При свете матовых шаров.
Ты стояла красивая, будто статуя,
В груди лишь холод затая.
Такая щедрая и богатая,
Такая далёкая и не моя.
Там страсть отчаянная кипела лавою,
А здесь — у матовых шаров —
Наш разговор дышал душистою отравой
Благопристойных вечеров.
Я лгал с улыбкой, как будто нанялся
Молоть бессовестным языком,
Но помню, как радостно я откланялся
Под этим матовым огоньком.
И я ушёл, вдыхая воздух вечера,
И я был ветру братски рад,
А надо мной, обняв меня за плечи,
Пылал отчаянный закат.
Сердце бьётся, стучит беспокойно.
Отчего замутилась душа?
Над землёй веет ветер разбойный,
Духом зреющих яблонь дыша.
Реки ласковым солнцем согреты,
Как в кисельных полях молоко.
Неужель моя песня пропета?

Отчего же в груди нелегко?
Я куплю себе красный билетик,
Я заброшу наверх чемодан
И поеду смотреть, как на свете
Расцветают цветы по водам,
Как купаются дети в озёрах,
Как шумит голубая полынь.
Разгоню свои думы, в которых
Сердце просится в дальнюю синь.

19.

В вагоне поезда

Среди ночи, от вишен пьяной,
Загорелась моя звезда.
Надо всею равниной туманной
Сумасшедшие ржут поезда.
День умчался, трудный и рваный,
Отлетел с паровозным гудком.
Еду я, сам немножко пьяный,
Папиросным блестя огоньком.
Догорает счастливое лето,
Засыпает в ночной тени,
И по всей по равнине этой
Разбросались огни, огни. . .
Как в горячке, стучат колёса,
И под их горячечный бред
Я вдыхаю прохладные росы
И встречаю румяный рассвет.

20.

Я узнал

Я узнал, что ты другого
Нежно, пламенно любила,
Но осталась без ответа,
И любовь твоя остыла.
Я узнал твои страдания,

Слёзы горькие и муки.
Значит, тоже испытала
Ты всю прелесть этой штуки?
Значит, не один терзался
Я любовью без ответа?
Прямо в сердце мне попало
О тебе известье это.
Я привык к твоей осанке
И к усмешке белозубой.
Помню, от твоей усмешки
У меня дрожали губы.
Я весёлым притворялся,
Боль копил в душе глубоко.
Я шутил с тобой, а после
Уходил я одиноко.
И бродил я до рассвета,
И не спал, смешной влюблённый.
На меня от состраданья
Опадали листья клёнов.
Может быть, и ты бродила,
По другому тосковала.
Как же я тебя не встретил,
Ты меня не увидела?
Дорогая, ты далёко,
Ах, какая даль темнеет!
Но теперь, за всё страданье,
Я люблю тебя сильнее.

17 ноября 1954, Уфа

21.

Разговор с фотокарточкой

Любимая, любимая моя!
В минуту боли и тоски сердечной
Я воскрешаю в памяти тебя,
Весёлый разговор и смех беспечный.
Десяток фотокарточек тогда

Я из конверта бережно достану,
И вновь скользят влюблённые глаза
По твоему прямому стану.
Я никогда ответить не берусь,
Какой порыв в твоих движениях вольных,
Откуда эта спрятанная грусть
И эта глубь в твоих глазах спокойных.
И я смотрю, без устали смотрю
На облик твой, столь противоречивый,
И с карточкой твоей говорю,
А ты глядишь с улыбкой молчаливой.
Но при улыбке та же грусть в глазах,
Глубокая, затянутая тайна.
Я был с тобою рядом на правах
Лишь гостя, заглянувшего случайно.
Но в час, когда закрасится восток,
Я образ твой благословляю снова:
Ты мне дала отпить большой глоток
Живой воды из кубка золотого.
Цвети всегда, любимая моя!
Будь молода и будь счастлива вечно.
С твоей карточкой веду беседу я
В минуту боли и тоски сердечной.

Ноябрь 1954

22.

Моё счастье

Я плыву, как тяжёлом нокдауне,
Вместо лампы — четыре огня. . .
Я не помню тебя, молода иль нет, —
И зачем ты целуешь меня?
Я хотел позабыться в разгуле
За уставленным пышно столом.
Точно, чувства в вине утонули,
Но оставили плач о былом.
Всё дробится свет лампы проклятой:

На друзей с изумленьем гляжу.
Их я, кажется, видел когда-то,
Но когда? Хоть убей. Не скажу.

А тебя, твоих губ ожидающих
Я не знаю. Зачем ты здесь?
В винных бликах, живых и мелькающих.
Я увидел другую весть.

Вижу я, как моя ненаглядная
В светлом доме танцует с другим.
И волнуется юбка нарядная
От движения стройной ноги.

Хоть на миг прикоснуться единый
Поцелуем к любимой руке!
Но взамен только смех лошадиный
Да четыре огня вдалеке.

Не хочу, не хочу, отпустите!
Что за женщина рядом со мной?
Осквернённые губы я вытер
И о женщине плачу иной.

~~Я рыдаю о счастье потерянном~~
~~И о первой улыбке весны.~~
~~Электрический свет неуверенный~~
~~Навевает мне чёрные сны.~~

Отчего вы смеётесь, проклятые?
Я не пьян, я нисколько не пьян.
Мне приснилось моё невозвратное
Через винный горячий туман.

Отпустите, прошу отпустить меня!
Я отправлюсь немедленно к ней.
Ваша ласка всю душу мне вытянет,
От неё мне ещё больней.

Я пройду сквозь бураны и грозы,
Я на ваши насмешки плюю!
И свои раскалённые слёзы
На колени любимой пролью.

Она будет в весеннем платье,
Она скажет: «Скорее входи!»

Как я буду тогда целовать её,
Как прижму к сиротливой груди!..

.....

Но мой друг меня обнял за плечи.
Он куда-то меня ведёт
И на все мои горькие речи
Отвечает: «Она придёт».

Нет, не надо мне друга постылого,
Эта дружба спокойна, как лёд.
Где ты, где ты сейчас, моя милая?
«Успокойся, она придёт!»

Отдохни, полежи здесь немного,
Никуда ты не должен идти!
От Москвы далека дорога,
Но она ведь уже в пути.

Засыпай. Ни к чему волноваться.
Близко милая, верь ты мне.
Скоро, скоро — в весеннем платьице —
Прилетит к тебе счастье — во сне».

Канун 1955 года

23.

Звезда¹

Не верю снам, не верю предсказаниям.
Всё трын-трава, и горе не беда.
Среди небес немеркнущим сияньем
Горит моя счастливая звезда².

Я верю в счастье, жизни не изведав:
С чего бы мне рыдать и клясть судьбу?
Случилось горе — это у соседа.
Иль умер кто — не мне лежать в гробу.

Нет, плакать не могу. Я всё уже истратил,

¹Вар: Моя звезда

²Вар:

Мы с ней на всех врагов положим кол с прибором,
Любое дело перекурим без труда.
Гляжу в окно: над полуночным бором
Она всё светится, упрямая звезда.

Всё до последней выплакал слезы.
 Мне весело, когда по небу ветер катит
 Большую скалку матери¹ грозы².
 Порой мне кажется, что гром³ бранится
 И говорит вслед за ракетой голубой:
 «Смеёшься? погоди. Жизнь может обратиться
 К тебе своею задней стороной.
 Тебе везёт. Ты стал во всём удачлив.
 Но все удачи слишком на виду.
 Быть может, время всё переиначит
 И рукавом смахнёт с небес твою звезду».

Но я смеюсь опять. Я плакать не умею.
 Довольно в эти годы отстрадал.
 И если мне⁴ судьба сломает⁵ шею,
 Своей звезды я всё же не отдам.

Любуясь на неё в мой час отходный,
 Я песню запою в последний раз,
 Что был я парень смелый и свободный,
 Не верил я ни в сон, ни в чох, ни в сглаз.

В тот самый миг, когда дыхание это
 В моей груди заледенеет навсегда,
 С небес высоких, словно яркая ракета,
 Спадёт моя звезда⁶.

1955

¹Вар: матушки

²Вар:

А молния, ракета за ракетой,
 То голуба, то блещет серебром!
 И балуется хулиган отпетый
 И мой большой приятель гром.
 Мы с ним, бывало, игрались по равнине

И вместе поливали пыль дорог.
 Меня он не забыл доныне,
 И я забыть его не мог.

³Вар: он

⁴Вар: всё ж.

⁵Вар: мне сломит.

⁶Вар: Спадёт звезда.

24.

Сирень

В малиновом платье кудрявая девушка,
И локон на шее завился в кольцо.
Я с ней проходил зацветающим садом,
Где веял фонтан водяною пылью.
Разумны и сдержаны были все речи:
Ей мама велела быть строже со мной.
Мы сели в тени, и кистями тяжёлыми
Кивала сирень над её головой.
Сирень затуманила речи разумные,
Смягчился лица её строгий овал.
Я долго ласкал обгоревшие руки
И локон на шее её целовал.
А ветер был тихий, а вечер был праздничный,
Зелёной прохладой укрыла нас тень...
Не надо сердиться, кудрявая девушка,
Не хмурься — во всём виновата сирень.

25.

Лекарство от любви

Умирало печальное лето,
Догорал одинокий закат.
Прислонившись спиной к парапету,
Я стоял на часах, как солдат.
Тихий ветер, дрожа и вздыхая,
Шевелил надо мною листву.
В этот вечер, я знал, дорогая.
Ты должна была ехать в Москву.
Ровно в восемь открылись двери,
Шла тебя провожать родня.
Никогда я тебе не поверю,
Будто ты не видала меня.
Двое братьев несли чемоданы,
Мать о чём-то твердила тебе...
Слишком быстро и слишком неожиданно

Ты прошла по моей судьбе.

Другая редакция:

Лекарство от тебя

Умирало печальное лето,
Догорал одинокий закат.
Прислонившись спиной к парапету,
Я стоял на часах, как солдат.

Тихий ветер, дрожа и вздыхая,
Шевелил надо мною листву.
В этот вечер, я знал, дорогая.
Ты должна была ехать в Москву.

Ровно в восемь открылись двери,
Шла тебя провожать родня.
Никогда я тебе не поверю,
Будто ты не видала меня.

Отзовись, попрощайся, хоть взглядом:
На губах твоих гордых печать.
Ты в молчаньи уходишь. Не надо!..
Эх, не надо нам было молчать¹.

Я остался, больной и влюблённый,
Всё мне стало тогда нипочём.
Жёлтый лист оторвался от клёна
И спланировал мне на плечо².

Я запел развесёлую песню,
Закатился с друзьями гулять.
Ничего нет на свете чудесней,
Чем небесная синяя гладь.

Ночью — звёздные ножки да рожки,
Светит месяц, любезный мой друг.

¹Вар:

Ты прошла к остановке трамвая.
Далеко, за туманом, Москва.
О минувшей весне напевая,
Надо мной колыхнулась листва.

²Вар:

Всё прошло, и тебя больше нету.
Значит, незачем душу беречь.
Кто последнюю отдал монету,
Может спать среди площади лечь.

Мокрый лист на садовой дорожке
Припечатал высокий каблук³.

Перестал я грустить о разлуке,
Не считаю потерянных дней.

Молодые и лёгкие руки
Отдыхают на шее моей.

~~В поцелуях бездумная сладость,
А в мозгу зашкакает кровь.
Доктора прописали мне радость,
Доктора прописали любовь.~~

Пусть летит моё сердце по свету,
Я сдаю его всем напрокат.
Отшумело ненужное лето,
Догорел одинокий закат.

26.

Дорога

Опять полустанки поплыли
В краю бесконечно родном.
Седые от угольной пыли
Деревья плывут за окном.

Как хрипло гудят паровозы!
В их крике разбойная грусть.
Опять в тополя и берёзы
Оделась дремучая Русь.

Летят и летят перегоны...
Прошла стороною гроза...
Крестьянки глядят на вагоны,
Рукой прикрывая глаза.

Разросся бурьян бесполезный,
Шумит на ветру лебеда,
И только шеренгой железной
Идут над землёй провода.

³Вар:

Я деревьев теперь не жалею,
Хорошо им шуметь на ветру.
Я не гну под раздумьями шеею:
Мне задумчивость не по нутру.

4 июля 1955

скорый поезд № 32 (Москва — Томск)

27.

Узнали тайну

Узнали тайну. К чему теперь скрываться?
Узнали тайну. Зачем теперь молчать?
Налей вина мне! Я стану святотатцем
И буду громко богохульства расточать.

Моё святое растоптано скотами,
Их грубый хохот мне душу пепелит.
Как будто скальпель из самой лучшей стали
Вонзили в сердце, и вот оно болит.

И ты, святая, с твоей осанкой гибкой,
Ведь феей доброй ты для меня была —
Не ты ль дразнящей и двусмысленной улыбкой
Сама им повод к глумлению подала?

Но я надена раскрашенную маску,
Браниться буду и чорта поминать.
Я верил в счастье. Я верил в эту сказку,
Чего ж теперь мне молиться и стонать!

Вино и карты — вот все мои трофеи.
Раз жизнь игра, начнёмте же игру!
Не верю больше я в миф о доброй фее.
Раздайте карты! Весёлым я умру.

И задремавши, как будто бы от скуки,
Игры коварной презрев азарт и пыл,
Я припаду лишь на сложенные руки,
Партнёр промолвит: «Бедняга перепил!»

Отточен скальпель, но адские хирурги
Не в силах больше страдальцу повредить.
Придут лакеи с ковра собрать окурки
И долго будут они меня будить.

26 ноября 1955

28.

Замолкли¹ ночные гуляки,
И сонно горят фонари.
Сидят¹ в подворотнях собаки
И брешут до самой зари.

Какой-то подвыпивший кореш
«Последний денёчек»² слезит,
И смотрит скучающий сторож,
Всю ночь сторожа магазин.

Но кто-то так стремительно едет,
По длинным асфальтам летит?
На бешеном велосипеде
Какой-то парнишка в пути³.

Надвинувши кепку пониже,
Он мчится, как с ветром гроза.
Вот он пролетает.
Я вижу
Отчаянные глаза.

Куда он так яростно мчался?
Погони не видно за ним.
Быть может, он с другом расстался
Иль горем неожиданным гоним?

Злосчастьем своим разъярённый,
Ругаясь и в бога и в мать,
Быть может, несчастный влюблённый
Спешит себе шею сломать.

...

Я долго стоял, обернувшись,
Глядел ему пристально вслед.
Во тьму бесконечную улиц
Умчался тот велосипед.

Умчался бесшумно и быстро,

¹Вар: Гуляют

¹Вар: Опять

²Про всякие страсти

³Вар:

На улицах мёртво и тихо,
И слышно, как шины свистят.
Куда же он едет так лихо,

По гладким асфальтам скользя.
Ночного велосипедиста
Надолго запомнил я.

Не так ли и мы рассекаем
Дорог наших жизненных гладь?
Откуда пришли —
Мы не знаем.
Куда мы идём —
Не понять.

Всю жизнь беспокойную эту,
Готовы все силы отдать,
Мы мчимся навстречу рассвету,
Спешим, чтобы не опоздать.

29.

Настала осень¹

Настала осень, облетают листья,
В свинцовых тучах солнца не видать,
И ветер зря нагую землю чистит,
Ему опавших листьев не собрать.

Мне до отъезда полторы недели,
Быть может, я назад уж не вернусь.
Как вялый лист, забавы облетели,
И душу мне заполонила грусть.

Вы, птицы перелётные, возьмите
Проклятую мою тоску-печаль,
Возьмите и с собою унесите
Прочь за море, в неведомую даль!

И я уйду, считая в небе звёзды,
Пойду легко, куда глаза глядят.
Но как весной вернётесь к старым гнёздам,
не приносите мне тоски назад.

1 октября 1953

¹В рукописи под стихотворением надпись Р. Назирова: «Есенин?»

30.

Ты помнишь день?

В тот душный жаркий день вдруг сбились мы с дороги,
Усталых путников прохладный лес манил.
Просилось тело лечь, и не держали ноги,
Покинуть заросли у нас не стало сил.
Лужайку пышную, поросшую травой,
И белорозовые крупные цветы
Своею маленькой и лёгкою ногою,
Как мое сердце, попирала гордо ты.
И там, в густой тени, мы наземь опустились¹.
Был лес высок, и даль небес светла.
Мы обнялись с тобой, сердца сильнее забились,
И ты впервые узкий пояс свой сняла.
Настала быстро ночь, и месяц нам двурогий
Светил приветливо над самой головой. . .
Ты помнишь день, когда вдруг сбились мы с дороги
И лишь под утро удалось прийти домой?

1 октября 1953

31.

Грешница

Над рекою быстрой башня,
Одиноко возвышаясь,
Путь указывает ночью
Огоньками своих окон.
Едет путник запоздалый,
Ночь туманна, ночь тревожна, —
Видит башню над рекою,
И спокойнее на сердце.
Это башня доньи Анны,
Башня грешницы великой,
Что нарушила обеты
И святыя узы брака.

¹На полях, справа от данной строфы пометка автора: «Одна строчка — плагиат из Верлена».

Казни донья подлежала,
Но король великодушен:
За измену приказал он
Заточить её лишь в башню.

Здесь живёт она, тоскуя,
По ночам стоит на башне,
Дышит воздухом прохладным
И поёт средь звёзд и мрака.

Эта песня так печальна,
Столько в ней тоски и горя,
Что за сердце всех хватает
Пение и лютни звуки.

Возле башни одинокой,
Где та песня раздаётся,
Караваны вечерами
Замедляют шаг усталый.

Здесь купец потише едет,
О грабителях забывши;
Здесь осаживает рыцарь,
Своего коня гнедого;

Путешественник тут бедный
Долго, долго остаётся
И с лица его беззвучно
За слезой слеза спадает.

Выслушав, молву разносят;
Люди приезжают слушать
Пенье доньи благородной
И в вину её не верят.

Октябрь 1953

32.

— «Мой милый, о чём ты мечтаешь?
Скажи, отчего ты затих?
О чём ещё можешь ты думать
В объятиях страстных моих?

Иль мало любовного пыла
Дала тебе лада твоя?

Нет женщины, чтобы любила
Тебя горячее, чем я»
— «О нет, мне не скучно с тобою...
Пьянят твои ласки и жгут,
И снова к любовному бою
Манят, и зовут, и влекут».
— «Но ты отчего-то тоскуешь,
И думы во взгляде видны.
Меня ты совсем не целуешь,
Объятья твои холодны.
О чём ты тоскуешь? Мне больно
Страдания видеть твои».
— «Тоскую о волюшке вольной:
Она мне дороже любви».

2 ноября 1953

33.

Воспоминание¹

Мы вновь сошлись со старым другом,
Согреты радости огнём.
Гляжу — он всё такой же крепкий,
Хоть много седины на нём.
Заботы высекли морщины
На прежде гладком ясном лбу,
Да шрам, уродливый и длинный,
Лёг на щеку, скривил губу.
Мы помянули над бокалом
Друзей, что разлетелись прочь;
О женщинах сказали мало,
И скоро наступила ночь.
Часы двенадцать раз пробили,
Вино у нас лилось ручьём;
Сказал мне друг, склонясь вплотную:
«А помнишь, Рома, ты её?»
Мы оба разом замолчали.

¹Возле названия в скобках помечено автором: «Кажется, подражание К. Симонову».

Я словно снова осязал
Её пожатье; вновь блистали
Её лукавые глаза.
Кого из нас она любила?¹
Она испытывала рок
И нам союз чуть не разбила,
Меж нами бросив свой цветок.
Но наша дружба устояла
И лишь окрепла в буре лет.
Но где она? Ушла, пропала,
Ни слуху и ни духу нет.
Мы оба с другом поседели,
Нам вместе двадцать narosло,
Но помним — как на той неделе,
Как о вчерашнее число —
Мы помним взгляд живой и зыбкий,
И глаз изменчивых цвета,
Змеиный блеск её улыбки
И родинку у края рта.
Не стёрся в сердце образ милый,
Жар чувства не вполне прошёл.
«- Скажи, откуда эта сила
И власть над нашей душой?»
Звезда средь неба засверкала
И заглянула к нам в окно.
Я начал разливать в бокалы
Прозрачно-жгучее вино.
И друг сказал, с теплом во взоре,
Бокал поставив под струей?
«Она дала нам только горе,
Но знаешь — выпьем за неё».

2 ноября 1953

34.

Встреча

Как тяжело жить без тех, что любы!

¹Вар: Она нас вовсе не любила,

Тебя на годы проводив,
Я шёл по жизни, стиснув зубы,
Ладонью сердце придавив.
С тоской не сладить винной чаше,
Дни были горьки и пусты,
И время в книге жизни нашей
Листало чёрные листы.
Но вот ты мне письмо прислала:
«Мой милый, скоро час придёт!»
В желанный день я прочитала
Стоял и ждал твой пароход.
К причалу судно привалило:
Ты в белом платье, налегке,
Стояла, взявшись за перила
И с чемоданчиком в руке.
Поднялся я к тебе по трапу,
Внизу плескалась бирюза.
Обнял тебя, взглянул под шляпу,
Увидел влажные глаза.
Бессвязны были наши речи,
Дрожали губы у меня,
И первый поцелуй при встрече
Был полон боли и огня.
Мы шли. Несметными огнями
Горел расплавленный залив,
И вновь среди грузчиков с тюками,
Мы целовались, всё забыв.
За годы мук сбылась награда,
Исчезли горе и печаль.
И мы вдвоём, нам слов не надо,
И лучезарно блещет даль.

35.

Другу и ровеснику

Скверно, друг мой! Кончилась пирушка,
Шум утих, и сразу хмель прошёл.
Раза три железная игрушка

Выругалась так нехорошо.
 Вот ты дремлешь на столе широком,
 Как свинья, нажравшись желудей.
 На тебя глядит холодным оком
 Скучная компания людей.
 Ты сегодня, как бумага, белый —¹
 Чистый лист без песен и без нот.
 Раз душа похмелья не стерпела,²
 Ты³ свинцом набил себе живот.
 Поколенью не хватает силы⁴,
 Мы не терпим боли или слёз.
 Станет боль в мозгу невыносимой —
 Мы кладём башку под паровоз.
 Кто-то про мещанское наследство,
 О родимых пятнах говорит. . .
 Это вздор⁵. Мы просто видим детство
 Новой исторической зари.
 Магелланы в детском нетерпенье
 Устремляют к будущему взгляд,
 И валы эпохи в красной пене
 Нам приносят смельчаков назад.
 Пересменок роковой, опасный!
 Устоять сегодня мы должны.
 Хоть и трудно ждать за пеной красной
 Появленья голубой страны.
 Под тобою подломились ноги,
 Ты с сомнением глянул в пистолет,
 И тогда-то он, тупой и строгий,
 Дал тебе уклончивый ответ⁶.
 Будет светлый полдень в целом мире:
 Ты поднимешь голову в гробу,
 И архангел в маршальском мундире
 Затрубит в огромную трубу.

¹Вар: Ты сегодня белый, как бумага,

²Вар: Не стерпел похмелья ты, бедняга,

³Вар: И

⁴Вар: Да, мой горький! Да, мой друг любимый!

⁵Вар: Всё не то.

⁶В варианте последние две строфы отсутствуют.

И сидеть на золотом сиденье
Будет бог в блестящих башмаках.
Ты же, как свидетель обвиненья,
Принесёшь свинец в своих кишках.

Конец 1957 — январь 1958

36.

Сны мёртвых девушек

Свежие, сияющие дали,
Серебристый ласковый рассвет. . .
И под этим небом увядали
Девушки в неполных двадцать лет.

В адский бой, в кипящие пучины
Самый лучший уходил народ.
Здесь лишь малокровные мужчины
Выбирали девушек, как скот.

Кислой и похабною улыбкой
Злое время улыбалось им
И рубило их по шее гибкой
Заржавелым тесаком своим.

Птицы перелётные летели
Над гробами горькой красоты.
На гробах лежали иммортели —
Дохлые, невинные цветы.

Даже после смерти тени эти
Грызла та же слёзная тоска:
Снились им в гробу мужья и дети
И что груди полны молока.

3 апреля 1958

37.

В час ночи

Окна чёрные. Город спящий.
Одна я иду по улице.
Где же мой мальчик, тот настоящий?

Неужто мечта не сбудется?

Сегодня я¹ выпила и закурила,
Люди глаза таращили,
А Манька бесстыжая мне говорила,
Что мы-де совсем пропащие.

Неужто и вправду песенка спета?
Судьба до конца рассказана?
Я рада бы встать из могилы этой,
Но вся словно цепью связана.

Хороший и добрый порой мне снится,
Любовь и дорога длинная.
Не будет мальчика — будет больница.
И старость, такая пустынная.

Ну, полно те¹ хныкать! Платок достань-ка,
Вытри² слёзы с личика.
По небу гуляет бесстыжая Манька —
Луна без трусов и без лифчика.

Такая паскуда! Ей только монету,
А там — катай, как хошь её.
... Хочу закурить, а спичек нету.
И нынче не курят прохожие.

27 сентября 1958

38.

Лето 58-го

На площадях фонтаны задымились.
Настало лето. Липы зацвели.
Дурные сны сдались на нашу милость
И растворились в солнечной пыли.
Какая радость! Сколько в жизни света!
Поют все струны сердца в хоре дней,
И эта уютная планета
Нам кажется дороже и родней.
Но миг обмана пролетает быстро.

¹Вар: Я нынче

¹Вар: Полноте

²Вар: Вытри-ка

Открой глаза и грохоту внимли:
Трудятся генералы и министры
На горе смертным жителям земли.

Беспечный мальчик, танцев завсегдатай,
Не избежишь ты времени оков.
Ну, чем ты виноват перед проклятой
Политикой безумных стариков?

Таким же легконогим и красивым,
Таким же беспашапным, молодым
Жилось труднее, но до Хиросимы
Всё ж больше солнца выпадало им.

Склоняются политиков ошибки,
Немало туч над нами собралось,
И вижу я в твоей кривой улыбке
Симптом болезни, а не просто злость.

Ты думаешь: «Дрожать сегодня рано.
Бомбить начнут немного погода».
А может, не дойдёшь до ресторана,
В простейшие частицы перейдя.

И в ресторане после третьей стопки
Ты грезишь: средь экранов, труб и призм
Дежурит с пальцем возле белой кнопки
Какой-то человеческий механизм.

Вино не пьётся, и оркестр мешает,
и ты забыл, какой сегодня день.
Скажите, кто же всё-таки решает
За всех живущих на земле людей?

1958

39.

Волшебство

Вода на землю с небес хлестала,
И под ногами месилась грязь,
А с кровель из порванного металла
Унылая осень лилась и лилась.

Люди по улицам шли сгибаясь,

Поднявши ворот и пряча лицо,
И брызгались глиной, и ошибались,
И каждый другого считал подлецом.
Чокались в лужах бутылки пустые,
Шёл в подворотне закрытый банкет.
Казалось, все добрые чувства остыли,
Всем людям сравнялось по семьдесят лет.
Но ветер принёс нам полярную свежесть,
И вдруг после ночи безрадостной мы,
Воспрянув душою и сердцем разнежась,
Выходим в волшебную сказку зимы.
Мы чище становились с этим снегом,
Нам детство грезится наяву.
Сегодня, как будто с новым разбегом,
Я крепче работаю, легче живу.
Мы — новые, нет этой нудной трясины,
В глазах отчуждённости холод пропал.
Я видел: пропойца трёхлетнему сыну
Яблоко
 рыжее
 покупал.

27 октября 1959

40.

Человек с табличкой

Ничего подобного не случится,
Не случится никогда со мной.
Никогда я не пройду по улице,
Безнадёжный, пьяный и больной.
У твоих окошек¹ занавешенных
Не склоню повинной головы.
Говорят, что я немного бешеный,
Это только кажется — увы!
Запираю крепко сейф с печалью
И теперь уж твёрдо знаю впредь,

¹Вар: Никогда у окон

Что не мне расплёскивать отчаянье,
Дикой откровенностью гореть.

Буду на углу стоять, как статуя,
И курить, глаза на огни.
Подойди ко мне, моя богатая,
И на грудь мою нечаянно взгляни.

Вот табличка, на груди прибитая.
Ты прочти, не замедляя шаг:
«Здесь живёт весёлая, но скрытная
И уже холодная душа».

Нету боли ни в груди, ни в печени,
Лишь в виски мне молоточки бьют.
Я из нищих — самый обеспеченный,
А таким у нас не подают.

7 декабря 1959

41.

Накануне старта

Я верю, я верю, я верю,
Я верю, что будет весна!
Равно человеку и зверю
Планета сегодня тесна.

Равно человеку и зверю
В такой духоте не житьё —
За этой железной дверью.
Мы скоро сломаем её!

От денег, царей, бюрократов,
От старых полиций и книг
Мы прыгнем с бетонного старта
В тот мир, что сегодня возник,

К далёкой сверхновой планете,
Где всё лишь туман и хаос,
Где солнце кровавое светит
Сквозь мглу испарений и рос,

Где мы познакомились завтра,
Как валится лес и трещит,

Когда там идут динозавры
Сквозь папоротник и хвощи.
Там ждут нас победы¹ без счёту...
Товарищ, приборы проверь!
Ракета готова к полёту,
Ломайте железную дверь!

16 февраля 1961

42.

Парадокс о выгоде

Летучие мыши зацепились и повисли,
Своды облепили мерзкой бахромой...
Летучие мыши — чёрные мысли,
Я с вами по жизни тащусь, как хромой.
Надел на себя я весёлую маску,
Смешные очки посадил на носу.
Но как эту жизнь, сумасшедшую сказку,
Но как же я эту жизнь перенесу?
Должно быть, приятно работать идиотом
Или в кретинском ведомстве служить.
Но только по моим осторожным подсчётам
Невыгодно крайне в довольстве жить.
Ведь семьдесят лет — единственная премия,
И путь этих сытых до крайности нелеп:
Короткое такое человеческое время
Разменивать на масло, свинину и хлеб,
Жевать и утираться рукой нечистой,
Крупными кусками дерьмо глотать...
Романтики, художники, поэты и артисты!
Я призываю вас разумно голодать.
Прислушайтесь к небу: там крохотная рация
Насвистывает что-то нам, лавируя во мгле.
В такую эпоху стыдно зажаться
(Тем более, что многие не жрут на земле).
К тяжёлым делам двадцатый век привлёк нас,

¹Вар: Там труд и победы

Но всё ж я мечтаю, имею в виду,
Что рубль золотой — целеустремлённость —
В трещине асфальта на улице найду.

Смотрю я только под ноги, заботою измотан.
Кругом рычат шофёры и бешено рулят.
И где б ещё мне, братцы, разжиться пулемётом,
Чтоб из пулемёта пижонов расстрелять?

Но тут, я вижу, лопнули терпения пружины,
И на моей дороге взволнованной гурьбой
Весёлые пижоны и честные кретины
Обеими руками семафорят мне отбой:

«О чём судьбу ты молишь корявыми стихами?
Рублей тебе нехватка? Ещё намоли!»
... Проклятые мысли стеснили мне дыханье.
О, как я не люблю вас, чёрные мои!

24 марта 1961

43.

Мистика

~~Электроны суетятся возле ядер.~~
~~Точно так же суетимся мы~~
~~В звоне праздничных возлияний,~~
~~В шуме будничной кутерьмы.~~

Разве так человеку положено —
Жить по-мелкому, чихая и ныля?
Но не вылезть из собственной кожи нам,
Не уйти из-под власти рубля.

Мы идём с запрокинутыми лицами,
Наблюдая созвездий ход —
Вдруг за локоть берёт нас милиция
И штрафует за неверный переход.

Мы мечтаем, что к жизни вызовем
Лучезарных Элоиз и Кунигунд...
Глядь — любовь обернулась капризами
И прискорбною привычкой к коньяку.

Значит, жизнь лишь любовью рублёвою

И мыниной суетою занята?
Нет, не верю, не хочу, выплёвываю!
Всё не так, всё не так, всё не так!
Пароходы эпохи под транами
Мне сигналист: «Товарищ, пойми,
Что не только зубными докторами,
Но и чудесами полон мир.
Ты держи ориентир на несню
И на завтрашних роз-аромат,
Строй судьбу с поправкой на чудесной,
Невзирая на презренный сонромат!»
Я отчётливо слышу вечное,
Я не верю в видимость вещей,
Потому-то брожу так беснечно-я
В неспитворном тумане ночей,
Потому-то мне чудится почками,
Что туда, где запрягался закат,
Над землёй, застывающей в молчании,
Телеграммы и ангелы летят.

24 апреля 1961

44.

Ты прополз по мелкому осиннику,
Финкой челюсти холода,
Под струящимися, под косыми
Нитками осеннего дождя.
Высота. За ней луга туманные.
Ты ползёшь, и вот уж день иссяк...
Там сидел, над местностью командуя,
Молодой блондинистый пруссак.
И ударил изо всей ты мочи,
И слышал дёрганье и хрип.
Захлебнулся кровью пулемётчик,
Повернулся к смерти и погиб.
«Пулемётное гнездо подавлено»,
Доложил полковнику комбат.
— Эти годы позади оставлены,

Эту силу не вернуть назад.

Ты проходишь, надрывая глотку,
Лишь луна над городом зажглась.

На тоску, скандалы и на водку
Золотая слава разошлась.

Ты глядишь безумно и сердито:
Скучно жить, как за комодом мышь.
Потому ты нынче песней дикой
По ночному городу шумишь.

Потому теперь, с сознанием права,
У киоска с газированной водой
Штрафника и кавалера Славы
Бьёт в лицо дружинник молодой.

Ты глотаешь злобу и бессилье,
Обтирая свой разбитый рот. . .
До чего ж мы всё-таки в России
Тёмный и запутанный народ!

3 мая 1961

45.

Отъезд

Над равниной летит паровозный гудок,
Мчится поезд, гремучий и шаткий.
Я открыл эту дверь, как бывалый ездок,
И курю на вагонной площадке

Полчаса не прошло, а как будто вчера,
И досада расходится быстро.
С папиросы срывается дыма спираль
И короткие красные искры.

Искры гаснут, и это в порядке вещей. . .
Всё ж любовь дожила до вокзала.
Но скрипит возле уха какой-то кащей
Те слова, что она мне сказала:

«Слушай, милый, не злись, постарайся понять,
Как сама эту вещь поняла я?
Я успехов твоих не могу больше ждать

И копейки считать не желаю.
Ты талантлив, силен, не дурак, не холуй,
Но надежды не кормят, не греют. . .
Так давай, если хочешь, меня поцелуй —
И прощай, и езжай поскорее!»
«И прощай, и прощай, и прощай!» — как всегда
Хор колёс, хохоча, повторяет.
А за мною бежит голубая звезда,
Словно руки вослед простирает.
Как она, та звезда, хороша и чиста!
Лик её так печален и светел!
Провожает меня и не хочет отстать
Чьё-то сердце, что я не заметил.

Декабрь 1957

46.

Рассказ вещей

Голодный, злой, отталкивая стулья,
Вхожу в широкий ресторанный зал.
Шаблонный мишка в тёмном вестибюле
Мне что-то неприятное сказал.
Я с отвращением думаю об этом
Факелоносце со стеклом в глазах.
А в ресторане, в канитель одета,
Тоскует ёлка в золотых слезах.
Я отыскал один свободный столик
И заказал котлету и вино.
На скатерти какой-то алкоголик
Оставил водки свежее пятно.
И сигарета — дышит, как живая,
В стеклянном блюде с серою пылью,
А устье сигареты обвивает
Помады рыжеватое кольцо.
Программа театральная измята
И судорожно скатана в комок.
На ней помадой: «Я не виновата».

Из сигареты всё идёт дымок.
Накрошены куски еловой ветки,
И спичкою по скатерти — черта.
И наконец, желтеет на салфетке
Большой и жирный отпечаток рта.

Январь 1958

47.

Прошу чуда

Какой надоедливый дождик на улице!
Какое презренное ветра вытьё!
Деревья облезлые зябко сутулятся.
Стою у окна, говорю о своём.

Сегодня мне грустно — погода постылая,
С катушек соскочишь под этим дождём!
Хотелось бы знать, где же нынче милая
И кто там её прикрывает плащом.

А дождь всё нудит, и на улицу бледную
Ложится по лужам неровная зыбь...
Сейчас я б отдал папиросу последнюю
За десять минут настоящей грозы!

6 сентября 1957

48.

Я новый год встречаю без тебя,
Иду на праздник улицами лунными,
И всю дрогу череп мой долбят
Воспоминая клювами чугунными.

Я помню это солнце, этот зной,
И пляж, и смех, и в город возвращение,
Волос пушистых ореол сквозной
И мягкий взор, даривший мне прощенье.

Когда б нам было вновь начать дано,
Я знал бы цену самой малой нежности...
В стакан струится красное вино,

И патефон кричит о неизбежности.
Как много лиц! А я среди них один.
Рисую на салфетке Р и К
И молча обдираю апельсин,
Как шкуру с неизвестного соперника.

49.

Зимние оркестры заиграли,
В белый плащ окутались леса,
И оделись в серый цвет печали
Чахлые больные небеса.

Снег штурмует бледное оконце,
Снег добаться хочет до меня.
Где-то за морями скрыло солнце
Все запасы своего огня.

Несмотря на все мои уловки,
Не рассеять скуку вечеров...
И рисует женские головки
От стихов отвыкшее перо.

10 декабря 1957

50.

«Наплевать!» — сказал самоубийца
И в сортире утопил наган.
В такие дни нельзя убить себя,
Невозможно уступить врагам,

И внезапно прибывают силы,
Человек справляется с бедой,
И больные, вянущие жилы
Закипают кровью молодой.

Тихий день, обычная погода:
Как нам эту дату отмечать?
Только вдруг приобрела природа
Непонятной радости печать.

Из снегов сегодня солнце всплыло,
Небывалым пламенем горя,

И зима в восторге затрубила
В золотые трубы декабря.
Нет ни тени грусти в небе чистом.
Мир сегодня заодно со мной.
Даже у заядлых пессимистов
Иногда бывает выходной.

11 декабря 1957

51.

Рассердилась, ушла, на меня не оглядываясь,
Замелькала в толпе, затерялась вдали...
А вечернее небо погоде обрадовалось,
А дома свои жёлтые очи зажгли.
Пахнет снегом сырым, и бензином, и почками.
Я стою, наблюдаю приметы весны.
Люди разгородились запорами прочными
И как будто друг другу совсем не нужны.
Если взять — подойти к пареньку неприметному:
«Здравствуй, друг! Ты скучаешь? Поскучаем вдвоём».
Но о чём же беседу завяжем при этом мы
И какие же песни тогда запоём?
Лишь усталые веки смежу на минутку я,
Сразу мозг заполняет вихрь грустных идей.
Неужель не видна вам трагедия жуткая,
Горе нашего дня — разобщённость людей?
Или вам всё равно? Или вам не наскучило?
Иль до вас не доходит печаль вечеров?
Я стою на углу, как печальное чучело,
В макинтоше промокшем современный Пьеро.

27 февраля 1958

52.

Плавания

Заманчивы края далёкие,
И каждый день, спеша туда,

Ныряют в плаванья жестокие
Разноимённые суда.

Намаявшись за время плаванья,
Изведавши чужих красот,
Приходит вновь к родимой гавани
Красавец гордый — теплоход.

И гавань та неповторимая
Корабль вернувшийся опять
Спешит, как женщина любимого,
В свои объятия принять.

Вот так и мы по жизни мечемся,
Сломавши руль, разбив буссоль,
И от цынги духовной лечимся
Чужой тропической красой.

Но тешит всех надежда малая,
Что мы воротимся опять
Туда, где нас любовь устала
Не устаёт покорно ждать.

Когда ж путями серебристыми
Спешим достичь родной земли,
То видим вдруг — у милой пристани
Стоят чужие корабли.

Ноябрь 1958

53.

Наказание за суету

Шумят дожди, шуршат по крышам,
И чёрный вечер за окном,
И сердца стук всё тише, тише,
И скоро взор смежится сном.

Но взвесив сделанное за день
И подводя всему итог,
Я открываю вновь тетради,
Вяжу скупые нити строк.

Весь день — обычная работа
И деловая суета...

Но, кажется, забыл я что-то,
Как будто сил не рассчитал,
Людей обвесил и обмерил,
Им недодал своей души
И зову сердца не поверил:
«Творить и действовать спеш!»

Мне тягостно вины сознание,
Мне больно думать, что с утраченного
Я выйду снова в дней сияние
И в голубые вечера,
Что снова с утренним запалом
Растрачу зря запас часов,
Большое разменяю малым
И возвращусь под тихий кров.

А через час кошмары ночи
К моей подушке подойдут:
«Он жить и действовать не хочет,
И в наказание вновь мы тут».

17 июня 1959

54.

Снег в городе

За разговором время пролетает,
Мы всё идём сквозь темноту и снег.
Сегодня ты спокойная простая,
Мой самый нужный в мире человек.

Я был с тобой и ласковым, и резким.
Сегодня я другим пришёл к тебе.
Слетает снег и лепит арабески
На нашей недописанной судьбе.

Свет фонарей дрожит и льётся зыбко,
Часы летят, минуты коротки.
Я унесу с собой твою улыбку
И снежный запах маленькой руки.

Я повернусь. Махнувши на прощанье,
И сквозь метель один продолжу путь...

С такими необычными вещами
Мне всё равно сегодня не уснуть.

15 февраля 1960

55.

Не плачь

Заколотилось, запрыгало сердце,
Засеребрилась на реснице слеза.
Девушка плачет, а мне не верится:
Разве я что-то плохое сказал?

Да, это, кажется, вышло грубо.
Я обнимаю её и молчу.
Тише, родная, не плачь...
А губы
Сами скользят по её плечу.

За окнами движутся автомобили,
От фар дрожит вечерняя тьма.
Тебя ещё никогда не любили,
Но ты, пожалуйста, не сходи с ума.

Пустые страхи тебя волнуют,
Ты ими голову себе не морочь.
За окнами вечер, а может — ночь.

Вот луч от фары и тень берёзы
Плывут, качаясь на потолке.
Я чувствую, как утирает слёзы
Маленькое сердце в моей руке.

Осень 1960

56.

На улицах родного города

Изволтузили, исколошматили,
А потом заявляют¹, что я пессимист.
Да ну их всех к чёртовой матери!
Я перед советским² отечеством чист.

¹Вар: говорят

²Вар: социалистическим

Но в душной конторе, пропахшей чернилами,
В кожаных креслах раскинув бока,
Начальство долго и нудно ныло мне
О том, что я негодяй и бахвал.

Ну, если так, благодарю покорно.
Вот заявление. Салют, салют!
... Золотых ожерелий горящие зёрна,
И под этими зёрнами люди спуют.

Почему мне становится легче на улице?
Право, не знаю. Откуда знать?
И только глаза на фонарь прижмурятся,
И только одежда в плечах тесна.

Знакомые улицы, люди знакомые
В миг растворяют досаду мою.
В толпе текучей жить так легко мне.
Я прохожу и что-то пою.

Мороз — из прощальных. Дохлый морозко!
Не стоит даже поднимать воротник.
Красный глазок над перекрёстком
В это мгновенье почему-то возник.

Заливисто, рассерженно и тонко
Зовёт меня свисток милиционера.
... И крупная, как антоновка,
Над городом висит Венера.

Слушайте, это что-то нереальное:
Вечерний город в цветных огнях.
Сегодня здесь путаются пижоны банальные
И седые призраки на лунных конях.

Ромео и Джульетта целуются в тёмном подъезде,
С золотистой головки упал кружевной платок.
А дворник ругается: «Куда вы лезете!
Шли бы себе на каток!»

Нет, определённо, что-то странное.
В этом вечере — тихий бред.
Снова в сердце моём раскрываются раны
Наивных и милых лет.
Раны плачут красными слезами,

И, зажимая сердце рукой,
Я размышляю: о чём же сказали
Этот вечер, Венера, бред и покой?

Слышу радио: завтра будет плюс градус,
Никаких осадков и ветра при том.
Завтра обязательно будет радость,
Наивная радость с пунцовым ртом.

22 февраля 1961

57.

Покончено ещё с одной мечтою.
Свой идеал я вдребезги разбил.
Я девушку считал почти святою,
Её желал, молился и любил.

В моей любви была закваской жалость
И нездоровых вожделений рой.
Как странно это всё перемежалось
С её тоскливой, скучною игрой!

Я обнимал её с такою силой,
Ещё немного — брошу и сомну...
Но отвращенье тайное сквозило
В её лице, повернутом к окну.

Кому смешно, а мне до боли мерзко.
Похолодело у меня в груди.
За этим всем из гроба Достоевский
С садистским удовольствием следил.

Но хватит изливаться и канючить!
Я отмечаю твёрдою рукой,
Что бред прошёл, что так честней и лучше,
На сердце стало тихо и легко.

Я быстрым шагом прохожу по свету,
Я снова что-то детское пою.
Пускай кропают модные поэты
Рентабельную лирику свою.

Открыло солнце золотые очи,
Задумчиво взглянуло на меня.
Ещё сквозь дрему голуби бормочут,

И мир встречает наступление дня.

Поэты с их фантазией слепую
Уж не оставят на сердце следов,
Но утренние девушки толпою
Восходят по ступеням городов.

1960

58.

Ухожу

О любви, весне и девушках? Отставить!
Этим песням не пришёл черёд.
Пусть сначала снег в груди растает,
Ну, а тем — хоть с потрохами заберёт.

Я, конечно, мимо песни не прошёл бы,
Но зовёт звенящий клик мадер,
Поцелуев океан дешёвый
И дурной кабацкий шик-модерн.

Автомат отрегулирован на славу,
Пью, танцую и влюбляюсь наповал,
Но такой любви крысиную отраву
Я уже из сердца изbleвал.

Я покину эту шайку расписную
И уйду — как не было меня.
Воспеваю чистую весну я
В синих и сиреневых огнях!

Воспеваю страсти непритворные
И до дна открытые глаза!
... Кошельки защёлкали затворами,
Сволочи зовут меня назад.

Сволочи сулят вино и тело,
Не жалеют ласковых речей,
Но судьба сегодня захотела
Отобрать меня у сволочей.

Допивайте без меня отраву
И лобзайтесь, отходя ко сну...
Я ушёл. Я получаю право,

Получаю право на весну.

28 февраля 1961

59.

Зазвенел хрусталь, слетая с крыши,
Красный флаг над домом заплясал.
На вечернюю прогулку вышел
Новый месяц в синих небесах.

Ты звени, весёлая погода!
Тёплым ветром на поля дыши!
С этим ветром всякая невзгода
Отлетает от моей души.

... Стыло поле в снеговой постели,
Мнилось мне тогда под вой метели,
Что уходит молодость моя.

60.

Скажите, ну как же мне быть весной?
Скажите, куда деваться?
Надену галстук — самый смешной
Пойду на бульвар продаваться!

Какие там блюзы наяривают
Девчонок и света сколько!
Так жадно ныряют пары в уют
И тишь углового столика!

Расслабленный, милый девчачий смех
И нежности, и румянцы,
И жидкости льются, и счастье для всех —
А к счастью ведь все стремятся...

И вдруг я мотаю башкой: не хочу
Двум богам кадить зараз.
Стою перед входом, стою и молчу
Как нищий в окно кондитера.

«Ну, Ромочка, милый, зайдем!» — Нет.
Я вырвусь и хлопну дверью.
Какой бы ни был я паршивый поэт

А в кабацкое счастье не верю.
Я отшвыриваю его пинком:
«Хоть пропадом пропади ты!» —
И вижу, как вслед мне грозит кулаком
Рогатый старый кондитер.

61.

Помятое пухлое личико
18 на вид можно дать...
Но вмиг догорела спичка
Опять ничего не видеть.

Ко мне ты случайно подсела
Пустой разговор завела
Ты пахнешь сметаной и сеном
Как все молодые тела.

Горит — не горит папираса
За хатой гармошка поет
А ночка смешные вопросы
О ранней любви задает.

Девчонка, девчонка дурная
Ты зря меня дразнишь плечом...
Я ваших порядком не знаю
Сегодня мне все нипочем.

Сейчас папиросу я выкину,
Тихонько тебя обниму,
А если попробуешь пикнуть
Твой рот поцелуем зажму.

Замрешь, задыхаясь и млея
Смеяться начнут соловьи.
И смутно во тьме забелеют
Телячьи колени твои.

62.

Была на танцы и наряды падкой,
Теперь былого и в помине нет...
Соседки называют психопаткой,
Мальчишки улюлюкают вослед.

В ее глазах застыла отрешенность
И радуга диковинной тоски.
Взволнованно и будто напряженно
На кленах распускаются листки,
И травка пробиваться стала снизу
И вот уж клумбы первые горят,
А голуби гуляют по карнизу
И о весенних чувствах говорят.
А ей вся радость и весна — в окошке.
И в горле поднимается клубок,
Когда идет со смены Витька Кошкин,
Неукротимый, гордый полубог.
Идет беспечно, широко и вольно,
А ей та поступь смертный приговор:
Как горячо в груди, как сердцу больно
Смотреть, как он проходит через двор.
Не знает он, что за его шагами,
За белым шарфом на его груди,
Расширенными странными зрачками
Космическая девушка следит.

Весна 1962

63.

Двое в лодке

Сквозь ветви леса солнце смотрит в Дему,
Как в зеркало зеленого стекла
Я здесь один, и слышны мне сквозь дрему
Уключин скрип и легкий плеск весла.
Я поднимаю голову, бросаю
На Дему быстрый взгляд из-под руки.
И вижу — лодка тихо проплывает
Вдоль теневого берега реки.
В той лодке двое. Парень загорелый
Гребет вполмаха, видно, не спеша
А на корме девочка в шляпе белой
Кудрява и собою хороша.

Внезапно солнце лодку озарило,
И улыбнулась светлая река.
Девчонка в шутку друга окатила
Фонтаном брызг из-под кормовика.

Пошла пальба! Вода от брызг кипела,
Задорный хохот эхо разнесло.
И сразу все кругом повеселело,
Как будто в небо брызнули веслом.

Глядело солнце в зеркало речное.
Пронесся ветер и опять затих.
Скользила лодка, в лодке было двое.
И любо было мне смотреть на них.

64.

К финалу поэмы «Для меня»

Снова стала роса серебристее,
Словно бисер просыпан в траве.
От нее немудреная истина
Родилась у меня в голове.

Сколько раз повторяли живущие
Этих мыслей старинных пути!
Только снова приходится в кущах
По седеющим мыслям идти.

Человек ведь всегда с упряминей,
Все желает потрогать рукой.
Отцепившись от юбки маминой
Он твердит: «Я совсем не такой».

А потом, расшибаясь до крови,
Он находит свой правильный путь,
Чтобы старую мысль в этой нови
Оживить, воскресить и вернуть...

Не для праздника, не для славы,
Не для труб и не для венков.
Мы рождались в тени дубравы
И росли в колыбели штыков.

Жизнь кипела, как магма в кратере,
Пушки били во все концы.

Нас качали усталые матери
И глухие от боя отцы.
Не для нас диалоги о розе,
Мы воочию видели смерть.
Мы росли под военной угрозой
И копили холодную твердь.
Мы взошли, мы поднялись на ноги,
Сами начали класть кирпичи.
Паровоз миновал полустанки
И к конечной станции мчит.
И теперь над любимым порогом
Для меня говорят журавли,
Чтоб я шел по зеленым дорогам
И работал на благо земли.

65.

Не жалуйся, что небо серое,
Что дуют резкие ветра,
Что снова снежными посевами
Грозит суровых туч игра.
Пускай задержится чуть-чуть еще
Сырая старая зима,
Пусть не растопит это чудище
Скупой на солнце месяц март.
Но все равно — вольней ведь дышится?
И легче сердцу твоему?
А детвора играет льдышками,
Сбивая с крыши бахрому.
Так что же сетуешь, смешная ты?
Вот вышел месяц молодой.
Проталины до края налиты
Весенней черною водой.
Пуская зима чуть-чуть помешкает
В последнем приступе тоски,
Но завтра огненной усмешкою
Раскроет солнце лепестки.

66.

Мы встречались в парке над рекою Белой,
Где закат на волны свет багряный лил.
Ветерок весенний, нежный и несмелый,
Трогал твои волосы, платье шевелил.
Прошумело лето голубыми днями,
Отцвели последние яркие цветы.
Пробежала кошка, видно, между нами
Почему, не знаю — изменилась ты.
Ясный лоб прорезался хмурою морщиной,
Губы ледяные ~~сжаты~~ сжаты навсегда.
Ты не ходишь больше по аллее длинной
К берегу, где плещется ~~хмурая~~ темная вода.
Милые ресницы, вы теперь чужие.
Этих глаз настойчивых мне не целовать.
Разметала буря листья золотые
Уложила город в снежную кровать.
Только вспоминаю каштановые косы,
Только вижу мысленно, словно вдалеке,
Старый парк над Белой, скамейку у откоса,
Руку твою тонкую на моей реке.

67.

Когда мы вновь становимся моложе
И кровь сильнее бухает в висок,
Мы говорим всегда одно и то же,
Что это развлечение на часок,
Что ищем перемены ощущений
И что девчонка, право, недурна...
Но вдруг в прокуренное помещение
Приходит к нам законная жена.
~~Все изменяется, становится светлее.~~

68.

Первое весеннее утро

Сумерки перед рассветом —

Нет ничего прекраснее!
Раннее утро это
Весёлой встречаю песнею.

Пою о далеком времени,
Которое не забывается,
О синих глазах, знакомых мне, —
Кому-то они улыбаются?

О том мимолетном счастье,
Пою поутру и грежу я,
И утро вдали занимается,
~~Словно-снегурочка,~~ свежее.

Но песня будит волнение,
От грусти сжимается горло.
А первое утро весеннее
Уже свои очи протёрло.

69.

Все прошло, изменилось. Невозвратно минувшее.
О, как жалко, что дважды нельзя выбирать!
Но зачем же глядишь ты на дочку уснувшую?
Что ж глаза твои влажные блещут опять?

Да, я понял, подруга, да, прочел твои мысли я.
Ты жалеешь, что руку другому дала,
Но сквозь тяжких раздумий тучи свинцовоокислые
Утешения мысль, как луч света, прошла.

Для себя лишь жила ты, жизнь печальна была твоя,
Но глядишь ты на девочку в светлых кудрях.
Счастья дочь ожидает, и надежда крылатая
Отражается в синих знакомых глазах.

Ты же счастья не ждешь, твое счастье потерянно.
Счастье дочери — в нем только счастье твое.
О, как жаль, что не может наша жизнь быть проверена!
О, как жаль, что нельзя вновь прожить нам ее!

И схватив лист бумаги, со внезапною смелостью
Ты мне пишешь письмо, но сжигаешь потом. . .
Всё цветет куст герани с запоздалою свежестью,
Ветвь зелёную ветер склонил за окном.

70.

Тревожное

Тревога, тревога, тревога!
Какое холодное утро, и солнце в тумане.
В туман убегает дорога,
И две папиросы в кармане.
Солнце тускло блестит на затворах.
Наш старый полковник стоит у подножки машины.
На колене развернута карта, и слышится шорох,
И мальчишка — шофер торопливо пробует шины.
Не время сейчас улыбаться.
Ни к чему говорить об искусстве или Венере Милосской.
Мы идем драться.
Вот сейчас мы уходим драться,
И винтовки в тумане мерцают мальчишеским свежим лоском.
Мы — молодые ребята. В огне не были ни разу.
Что же, в такую минуту стыдится глупо, друзья.
Солнце в тумане блестит оцинкованным тазом.
И уходит в неизвестность сырая дорога моя.
Летят слова команды. В тумане шумят наши ноги
Ровным звуком по мокрой траве.
В две шеренги построились тополя у дороги,
Длинные руки по-штатски к пустой приложив голове.
До свиданья, деревья дорогие!
Может быть, снова увидим вас.
Или будем ваши тихие песни слушать в братской могиле,
Если сегодня придет нас час.
Шиповник цветет у ограды,
А мы проходим, и некогда даже сорвать цветка.
Но все же ему мы рады,
И утру мы тоже рады,
С душой спокойной дорога необыкновенно легка.
Светает уже, но идем мы по роще тенистой
Над правым берегом реки.
Первый выстрел!
И тотчас команда: «Примкнуть штыки».
(Это сон после рассказов фронтовика).

71.

Под ручку с моею любимой
Прошёл молодой человек.
Стрелял он извилистым дымом
Большой папиросы «Казбек».

72.

Так бросьте за бутылкой лицемерить!
Нам есть, с кем драться и ломать хребты.
Жизнь это жизнь.
В неё лишь надо верит
И поклонятся свету чистоты.

73.

В осенний вечер

Погода скверная стоит,
Осенний дождик скучно льется.
Взгляни в окно — печальный вид,
Лишь капель шорох раздается.
И все ж не нужно ~~надо~~ унывать¹.
Друзья, давайте сядем рядом.
Споем? Кто будет запевать?
Нам песню веселее надо.
Про очи черные споем²
О летних ночках спеть нам нужно
Затянем, друг, с тобой вдвоем,
А вы подхватывайте дружно.
Про острогрудые челны
Споем и помолчим немножко.
И вспомним светлый день весны
Под шорох капель за окошком.

13 ноября 1954

¹Со второй строфы слова расположены в двойной ряд, здесь для удобства восприятия приведены под общий размер стихотворения

²Вар: Споем про черные глаза

74.

Давайте выпьем

Давайте выпьем, за тех, кто сердцу дорог, кого сегодня нет среди нас. Друзья, налейте бокалы с верхом, но чтоб ни капля через край не пролилась.

Они сегодня от нас далеко, но мы их помним всегда, всегда. Без слова чокнемся, и звон бокалов пусть долетит от нас в другие города.

Бокал наполненный на свет поднимешь, вино багряное играет, словно кровь. Давайте выпьем за наше счастье, за встречу в будущем, за верную любовь.

75.

Китай¹,

секр. ЦК комсом.

Карловы Вары, 13-й источник

1. Деньги — навоз, сегодня нет, а завтра воз.
2. Толчошная баба (от слова «толчок»).
3. Что за молодежь, с вечера не укладешь, утром не добудишься.
4. Крикливая баба, скандалистка, от семи собак отъестся².
5. Чорт силён, да воли нет.

76.

Выткался над озером³

Алый свет зари,

А в лесу со звонами

Стонут глухари.

Плачет птица иволга,

Схоронясь в дупло.

Только мне не плачется

На душе темно.

Выйду поздно вечером

На кольцо дорог.

Сяду с тобой рядышком

Под тенистый стог.

Зацелую допьяна,

Изомну, как цвет.

¹Надпись на записке: «Тебе сюрприз».

²Последнее слово написано неразборчиво.

³Переделка известного стихотворения Есенина «Выткался на озере алый свет зари».

Пьяному на радостях
Пересуда нет.
Так пускай со звонами
Стонут глухари.
Есть тоска по Родине
В отблесках зари.

77.

Колеса поезда

Огни вокзала в ночи растаяли,
Дубы вслед поезду тянут руки.
Я спать не могу, так меня измаяли
Колес лихорадочные звуки.
Мы с ней расстались, и сердце крепится,
И сердце не выдаст боли стихами.
Еще на губах поцелуи теплятся,
Еще я пахну ее духами.
Мы с ней расстались, махнув на прощание,
Теперь вы, звезды, без толку светитесь.
Мне лишь колеса стучат средь молчания:
«Вы еще встретитесь. Вы еще встретитесь».

78.

Белый день покрыл снегами город,
Ветер дует тонкою пылью.
Прячет девушка в пушистый ворот
От мороза свежее лицо.
Отшумела злая непогода,
Миновало время выюг и бурь.
Небосвод окрасила природа
Снова в детски-чистую лазурь.
Я иду пустынной аллей,
Снег скрипит, как под резцом стекло.
Флаг над домом радостно алеет,
На душе спокойно и светло.
Сучьев сеть отчетливой печатью

Мне на фоне голубом видна. . .
Ты сейчас в своем любимом платье
Перед зеркалом стоишь одна.

Ты рукой разглаживаешь складку,
Поправляешь локон золотой,
Вспоминаешь точно, по порядку,
Как я разговаривал с тобой.

Я был горд; ты скоро улетела
Со своим знакомым танцевать.
Знаешь ли, что гордецу хотелось
Край твоей одежды целовать?

Я был горд, ты птицей улетела,
Как всегда, спокойна и ясна. . .
Я страдал, душа моя болела.
Но уже близка моя весна.

Так же пред тобою сердце билось,
Так же трудно было мне вздохнуть:
Но узнай же: чтобы не случилось,
Я теперь найду свой светлый путь.

79.

Что нужно делать человеку,
Когда ему взгрустнется вдруг?
Не привлекай меня к ответу,
Суровый и весёлый друг.

Гитара поет и рыдает,
И говорит, что счастья нет.
Вот отблеск солнца пропадает,
А ночь на все дает ответ.

~~Подушка скомкана и смята,~~
~~И жестко постлана постель~~
Заполнен мозг больною кровью,
И жестко постлана постель.
Бессонный мрак мне к изголовью
Приводит призрачных гостей.

Я вспоминаю эти лица, Во мраке с ними говорю¹.

¹Вар: Друзей, знакомых и родню

Я говорю, что мне не спится,
Что не прогнать тоску мою.
Что юность бледная проходит,
И зрелость скучная стучит.
Как на огромном пароходе,
Река времен к могиле мчит.
Последняя большая пристань,
И впереди далекий путь.
Корабль идет уж слишком быстро,
И не дает мне отдохнуть.
Все эти лица — сказки ночи,
Все эти лица далеки.
А пароход всерьез хлопочет
Дает прощальные гудки.
Теперь кошмары до рассвета,
Теперь, пожалуй, не уснуть.
Мне душно здесь и мало света,
А впереди далекий путь.
Так что же делать? Мне взгрустнулось,
Я не хочу, я буду спать.
Сегодня солнце улыбнулось,
И молодость придет опять.
Она придет под флагом утра,
Когда еще совсем темно.
Она девчонкой светлокудрой
Откроет мутное окно.
Я брошу скучное гаданье,
Гитару к чорту разобью.
Ее дрожащее рыданье
Оплачет всю тоску мою.
Тогда я с девушкой в обнимку
Пойду топтать асфальт ночей.
В туманную речную дымку

80.

На улицы прямые Салавата
Опять, опять слетает мягкий снег.

Он пахнет карамелью кисловатой
И пробуждает мысли о весне.
Еще метели не отшелестели,
Серьезные морозы не пришли,
А всё ж тепло тихонько зреет в теле,
Теплом весенним тянет от земли.
~~И кажется, больных морозов вести,
И скромность белых улиц, и метель —
Как свадебное платье на невесте
Скрывает жар недремлющих страстей...~~
Вот я иду. И на заводах смена.
А снег — поэму хоть на нём пиши!
И как всегда обычно, неизменно,
Домой с работы девушка спешит.
В рабочей куртке, в синих шароварах.
В ботиночках на низком каблуке. . .
Какими ты делами шуровала?
Иль на каком работала станке?
В углах у губ улыбка притаилась,
В твоей походке — танец и полёт.
~~Красивая, постой!~~
Остановись, яви такую милость!
О чем твое молчание поёт?
«Твои уста не ведали печали.
Чем ты сильна? И где твоя гроза?»
Ресницы приспустив, не отвечают
Насмешливые дерзкие глаза.
~~Созревшая и для борьбы жестокой~~
Готова к счастью, и к борьбе жестокой,
И к братской дружбе, и к любви людской,
По городу идет поэма Блока
В промасленной одежде заводской!

81.

Вряд ли встретимся — не знаю,
Вряд ли свидимся — не верится.
В темноте, припоминая,

Строже стало стучать сердце.
Всё спокойнее и глуше
Машет маятник угрюмый.
Бьют часы. Сквозь наши души
В этот час проходят думы.
Ты о чем? А я об этом:
Только раз оно дается.
Песня ложь, не верь поэтам,
Счастье больше не вернется.
Стали прозою и скукой
Жар и трепет губ горячих.
На твоих ресницах слезы,
Не стесняйся и не прячь их!
Для меня ты с ними выше,
Ты как будто ближе с ними,
Хоть в твоём бреду я слышу
Не моё, чужое имя.
Иль всё это мне лишь снится?
Или старости повестка?
Пролетает как ~~виденье~~ зарница,
Отблеск фар по занавескам.
И от дерева на окна
Тень ложится вырезная
На подушке что-то мокрое...
Вряд ли встретимся — не знаю.

82.

Уже затаило, захлюпало,
Уже весну учуял нос,
Но вдруг нас всех одел в тулупы
Последний яростный мороз.
Ну, что же, все бывает в жизни,
Мороз ударил невпопад.
Но скоро, скоро с неба брызнет
Весёлый солнца водопад.
~~Последнее сопротивление~~
Как будто девушка упрямая,

Отталкивает, не глядит.
И вдруг рукою этой самою
Прижмет тебя к своей груди.
Еще глаза ~~ниче~~ ее сердиты
Еще не высохли глаза,
Но в этом взгляде — погляди ты! —
Уже весенняя гроза.
Через минуту рассмеётся
И снова всхлипнет невпопад,
А из очей ее прольётся
Веселый солнца водопад¹.

83.

Красивый мальчик с папиросой,
На балюстраду опершись,
Закату задаёт вопросы
И мыслит: «Что такое жизнь?»
Внизу бульвар шумит и пенится,
Гудят авто.
Пижону омрачает тень лицо.

84.

Дз.! ma l ybimja!²
Ты все еще не открывала глаз?
Вставай, надень скорей
Наряд свой праздничный, пусть будет этот день сиять
Для нас.
Куда ни кинешь взгляд, везде шумит народ.
Сегодня все друзья и все свои. Идем на улицы! Играет музыка,
и ветер дружеский кумач струит.
Знамена красные, знамена красные! Как много
гордости и столько слез. Но мы не сетуем, и
мы не молимся, чтоб ветер грозы все от нас унес.

¹Сбоку на полях данного листа надписи:
Сомкни объятия теснее,
О мировых проблемах с нею
Ты в этот миг не рассуждай.

²Наверху рукописи имеется надпись ручкой другого цвета: «Смешная»; возможно название стихотворения.

Расчистили небо мы руками крепкими, покоя сонного
мы не хотим, и с этим пламенным и грозным знаменем до
Марса дальнего мы долетим.
Так пусть сильней, сильней играет музыка. Пусть
пляшет веселей родной народ. Дай руку, девочка, пойдем
до площади, где Ленин бронзовый зовет вперёд.
Глядит во тьму веков, идущих издали, и видит воинства
несметных сил. Он отдал жизнь свою для этих
будущих и незаметных нас с тобой любил.

85.

Сегодня как будто свежее.
Барометр катится ~~надаёт~~ вниз.
Я чую: над самую шею
Зловещие тучи сошлись.
Откуда, какая опасность
Грозит, подступая ко мне?
Я только по сумеркам красным
Гадаю о завтрашнем дне.
На улицах много народа,
Закатные краски горят¹.
«Какая же завтра погода?» —
Друзей вопрошаю подряд.
— «Неважно» — друзья отвечают². —
Гуляем сегодня — лафа». —
И вот уж я полночь встречаю
Сию в ресторане «Уфа»³.
Здесь люди едят и болтают,
Но самое главное пьют.
Сегодня я не ощущаю
Привычный кабацкий уют.
О чём-то приятели спорят,
И джаз Бочарова гремит.

¹Вар: Вечерние краски горят

²Вар: «Чудак!» мне друзья отвечают

³Есть другой вариант данной строфы:
— «Неважно» — друзья отвечают. —
Вот бабки. Гуляем. Лафа.
И с ними я полночь встречаю
Сию в ресторане «Уфа».

Меня среди винного моря⁴
Предчувствие злое томит.
Я пью и совсем не пьянею.
Какое дрянное вино!
Погода как будто свежает. . .
Но что же случится должно?

86.

Сменялись блики, пятна, тени
На темном зеркале реки;
Сновали лодок огоньки;
Туда, среди кустов сирени,
Вели отлогие ступени,
Звучали легкие шаги.
Облокотившись на перила,
Мы с другом встали над рекой.
Сосредоточенный покой,
Суровость ясная царила.
Сюда таинственная сила
Влекла нас властной рукой.
И вот внезапно прекратилось
Снованье быстрое огней
Эскадра лодок устремилась
К подножью лестницы; на ней
Стояли маски, наблюдая.
К ступням барка подошла,
И королева молодая
Средь свиты на берег сошла.
Она всходила по ступеням
Веселый люд в смятенье смолк,
Глядя как царственным коленям
Ласкался платя белый шёлк.
Волненье горло иссушало,
Мы все смотрели на неё.
Под ожерельем чуть дышала
Грудь лебединая её¹.

⁴Вар: Меня средь кабацкого моря

¹Также на полях кроме надписи: «желтая роза — измена, белая — смерть, алая — любовь» есть варианты возможной концовки:

87.

Тучи нам грозят громами
Ветер горький дым несёт.
Враг за синими морями
Собирается в поход.

Мы до драки не охочи,
Нам милее прочный мир,
Но коль враг напасть захочет,
Коль пойдёт кровавый пир,
Коль железный дождь прольётся
На цветущие поля,
Наше знамя разовьётся,
И поднимется земля.

Мы не любим криков громких,
Мы не скажем лишних слов,
Но при свете и в потемках
Станем истреблять врагов.

Мы за синими морями,
За горами их найдем
И поднимем свое знамя
Над раздавленным врагом.

Гей, враги, не кличьте горе
Будет вам волками выть.
Не ходите к нам за море,
Если вы хотите жить.

Знаменосцы, выше знамя!
Часовой, гляди вперед!
Враг за синими морями
Собирается в поход.

1951

И шла она, бела, как лебедь,
Лишь с маской черной на лице.
И два окна в мою судьбу

В разрезах маски засверкали
Она метнула алой ~~белой~~ розы

Благоухающий цветок

88.

Ночь светла. Сквозь небо черно-синее
Проплывает жёлтая луна.
В теплой шубке, выбеленной инеем,
Ты идешь по улицам одна.
Легкие как пух, снежинки тают
На ресницах девушки моей.
И глаза любимой отражают
Россыпь электрических огней.

89.

Куст герани

Ветер гонит отары серых туч по поднебесью.
Листья падают наземь багряным дождем.
Лишь цветет куст герани запоздалою свежестью
Да зеленая ветка шумит за окном.
Ты сидишь на диване, и конверт распечатанный
Чуть дрожит в твоей тонкой красивой руке.
Соловьиною трелью, громовыми раскатами
Пред тобою бывшее встает вдалеке.
Сколько радостей прожито и сколько страдания!
Сладкой болью о прожитом сердце щемит.
Словно сны золотые, твои воспоминания,
На ресницах невольная слезка блестит.

14 сентября 1951

90.

I. Одиночество

Бледный на небе бледный месяц¹,
И лег на город вечер синий.
Стоят понурые деревья
На их ветвях мохнатый иней.
Пластами снег лежит на крышах²,
На стеклах лилии цветут.

¹Вар: Блеснул на небе тонкий месяц

²Вар: Пласты снегов лежат на крышах

Иду я улицей, и кто-то
Меня зовет сквозь темноту.
Я обернусь среди прохожих
Ищу глазами, кто зовет,
Но никому ко мне нет дела
И снова я иду вперед.
И кто-то через темный вечер
Вновь мое имя выкликает
Смотрю, но никого не вижу.
И кто зовет меня, не знаю.

II. Встреча

Меня привел к тебе мой старый друг,
Ты возле лампы с вышивкой сидела.
Увидев нас, ты быстро поднялась
И на меня с вниманьем поглядела.
Я тоже посмотрел в глаза тебе.
И там, внутри, увидел, очень много:
Июньский полдень в луговых цветах
И средь полей бегущая дорога.
Смолистый воздух, ледяной родник,
Лес так высок, и ели в нем так дики
И под твою легкою ногой
Шевелятся листочки земляники.
В алмазных брызгах светлая река,
И полосканье вымытых пеленок;
Курчавые на небе облака
И на траве резвящийся ребенок¹.
Увидел обновленный город наш
Где мы идем с тобою по брусчатке
И в парке мы танцуем быстрый вальс
На гулких досках старой танцплощадки.
В твоих глазах прочел я весь свой путь
Не уставая чудо жизни славить.
Так я глядел спустя лет 50
Мой друг сказал: «Позвольте вам представить...»

¹Вар: И на траве глядящий вверх ребенок

91.

Проклятие

I.

Сгорел пурпуровый закат,
Покрылся сумерек золою.
Шумел весёлый маскарад
В широком парке над рекою.

Там астры алые росли,
Фонтаны в водяной пыли
Цвели гигантскими цветами,
Шепталась темная листва,
И статуи между ветвями
Белели в сумерках едва.

Но вспыхнули огни, огни
Аллеи разом осветились,
И звуки музыки разлились,
И веселили дух они. . .

Шумит и блещет маскарад,
И мы свои надели маски.
Огонь игры, горячка пляски
Нас возбуждают и манят.

Мы с другом, схожи словно братья,
Сложение у нас одно,
И рост, и голос, даже платье:
Мы оба в черном домино.

Мы с ним уже немножко пьяны,
В нас, как вино, играет кровь,
И возле мраморной Дианы
Решили встретиться мы вновь.

Мы разошлись, махнув рукою,
Весельем праздник чаровал.
В широком парке над рекою
Шумел, как море, карнавал.

II.

Я пробирался по аллее,

Толпа текла, как вал морской.
Вдруг женщина меня за шею
Обняла жаркою рукой;

Лица коснулась волосами
Прижалась и пошла со мной,
Дыша дрожащими ноздрями
Под полумаской кружевной.

Гремели гулко медь и трубы
Фокстроты модные трубя.
Под черной полумаской губы
Шепнули мне: «Люблю тебя!

Люблю тебя, — она сказала,
На грудь мне голову клоня, —
Я опьянела, я устала,
Возьми и уведи меня.

Шептала: «Подожди... Потини!»
~~Я, кажется, совсем пьяна.~~
Ты милый, ты хороний, слышишь?
~~Да слунай же я здесь одна...~~

Взволнован дрожью ее тела,
Спросил намеренно грубя:
«Да кто же вы?» — «Не в этом дело...
Что имя? Я люблю тебя...»

И что было мне знакомо
В ее объятьях и словах
Она рукою указала¹

Хочу я быть всегда с тобою, —
И чтоб ты тоже был со мной
Связать себя с твоей судьбою,
Тебе быть другом и женой.

Клянусь, мой милый, нерушимо
Тебе я верность сохраню,
Я буду нежной, мой любимый,
Я все печали прогоню.

Свернем на тёмную тропинку...

¹Зачеркнутый фрагмент записан на отдельном листе рукописи, но вероятнее всего относится к этому моменту развития сюжета стихотворения.

Совсем забытая скамья. . . »
Она откинулась на спинку
С ней рядом очутился я.
Я растерялся. Столько жажды¹
И нежности горело в ней,
Что напрягался мускул каждый
И в жилах кровь текла сильней.
На миг ее теплом волнуем,
Я уступил, поддался ей.
И, сдвину маски, поцелуем
Внезапно обменялся с ней.
Но кто она и с кем смешала
Мою походку, рост, костюм?
Она уж тяжело дышала,
Дурное мне пришло на ум.
Теперь во тьме лицо белело:
Я этой женщины не знал.
Но страстно обнимая тело
Ее из рук не выпускал.
Она ж рассудок свой и память
Как видно, утопив в вине,
Упругим телом и ногами
Прижалась горячо ко мне.
В глаза и губы целовала,
И шепотом мне обещала

92.

Наброски к поэме «Времена года»

Plan 1) Весной полюбил. 2) Летом играла. 3) Осенью сказала: «л. другого». 4) Зима.

I.

Весной все запахи похожи,
Все так свежи и хороши.
Остановись со мной, прохожий!
Послушай ~~етих мой~~ слово от души.

¹Начиная с этой строфы и до конца, слова приводятся из отдельного листа набросков к стихотворению.

Мне хорошо гулять свободным,
Весну-красну встречая вновь,
Желудок чувствовать голодный
И в жилах молодую кровь.

Иду, и сердце солнце славит,
Смеётся людям горячо.
Свобода! Положить не в праве
Никто мне руку на плечо.

Весна! Веселыми лучами
Сверкает весь красавец-май,
И под беспечными шагами
Все лужи хлещут через край.

Друг-ветерок обвей мне кожу¹
Цветочным духом надуши.
Поговорим с тобой прохожий,
Остановись и не спеши.

II.

Зажглась луна на небе темном,
А на бульварах фонари.
Я стал веселым и нескромным,
Всю ночь гуляю до зари.
С друзьями забежав в пивнушку².
Убивши водочку стопу,
Так весело взяв в зубы «пушку»
Вмешаться в позднюю толпу.
Глядеть под шляпки, и всю ночь
С друзьями напролёт гулять,
И запах молодых листочков
Ноздрями полными вдыхать.
И если в невзначай заденет³
Меня в толкучке кто-нибудь,
Я разговаривать не стану

¹Вар: Мой ветер, друг мой, гладь мне кожу
Тебя люблю я от души.
Остановись со мной прохожий
Поговорим и не спеши.

²Вар: С друзьями на столе в пивнушке

³Вар: Задену локтем молодого

И мирно свой продолжу путь.

А если малый горячится,
Я правым глазом подмогну:
Чего, мол, надо, ламца-дрица
Иди-ка, дескать, ты к рожну.

Но если малый глуповатый
И не желает понимать,
Я только повернусь к ребятам
И попрошу их подождать.

И в стороне культурно, тонко,
Чтоб не пугать народ честной,
Вложу ему два крюка звонких
Своею вескою рукой.

Спокойно, крепко, но без злобы,
Я не желаю сильно ~~крепко~~ бить,
Я бью вполсилы, только чтобы
Уму парнишку научить.

III.

В театре оперу сыграли,¹
И публика идет домой.
И тут мне хлопцы показали
Одну девчонку. Боже мой!

Я не видал такой девчонки²
Ни до, ни после, ни сейчас.
Мне не забыть фигуры тонкой,
Точеных ножек, синих глаз.

Дивчина с парнем миновала,
А я горел уже огнем:
Она до сердца мне припала
И отпечаталась на нем.

— «Ну как, — спросили, — показалась?»

— «Девчонок я не знал сильней»

— «Быть может, погуляем малость?»

И я решил: «Пойдем за ней».

¹Вар: Вот кончился спектакль в театре

²Вар: Так хороша была девчонка
Как хороша была девчонка

Мы папиросы докурили,
 Мы запахнули пиджаки,
 И вслед за нею поспешили,
 Как волки, на ногу легки.

 Тотчас же на ходу решили¹
 У парня девушку отбить,
 Культурно с нею покалякать,
 Ее до дома проводить.

 И если мне она по нраву
 Все обещали мне помочь.
 Мы шли, луна от нас направо
 Тихонько выплывала в ночь.

 Цвели сады, дома дремали,
 И ночь была совсем светла,
 И очень скоро мы догнали
 Ту пару около угла.

 У парня ноги задрожали,
 Не сладить с нами одному².
 Мы в сторону его отжали
 И кто-то в ухо дал ему.

 Я к ней по форме подъезжаю³
 И разговор веду туда,
 Чтоб с ней пойти
 — «Я вас не знаю»
 — «Что ж, — говорю я, — не беда!»
 — «Я в этом городе недавно,
 Но знаю город с давних пор.
 Зовут меня Иван Макаров
 Друзьями прозван я Фарфор»⁴.

 Она взглянула с видом гордым,
 И отвела меня рукой:
 «Ступайте прочь своей дорогой
 А я одна пойду домой»

 «Да вас обидеть могут ночью...»

¹Вар: Догнали в темном переулке
И оттеснили паренька

²Вар: Хреново было одн.

³Вар: И подошел я к ней по форме

⁴Вар: А в шутку прозван я Фарфор

«Посмотрим». Так ответ дает
И вдруг нагнулась и булыжник
С земли увесистый берёт.

И кровь в ее душе играет,
В глазах сверкает огонек,
И вижу я: к ней прикоснётся
Вмиг раскроит весь черепок.

А переулочек глуховатый
Нет ни души вокруг, уж ночь.
И эта тонкая девчонка
Мне говорит: «Идите прочь».

Схватить ее и вырвать камень?
Я что-то оробел тогда¹.
И мы ушли. Над облаками
Зажглась большущая звезда.

IV.

Ушли, не солоно хлебавши,
Невидан был подобный срам.
На следующий день я даже
Не смел глядеть в глаза друзьям.

И надо мной они смеются
«Эх, ты, олеша!» — говорят.
А я все думал о девчонке
И помнил ее ~~темный~~ гордый взгляд.

Во мне тогда гноилась злоба,
Я был готов ее избить.
Хотелось мне ее увидеть,
Чтобы за гордость проучить.

Была весна, и птицы пели,
Всю землю май омолодил.
Я, на глаза надвинув кепку²
С душою темною бродил.

Внезапно я ее увидел³
В одной столовой невзначай.

¹Вар: Не знаю, что-то я сробел, и мы ушли

²Вар: Я, злой как бес, надвину кепку

³Вар: Внезапно я столкнулся с нею

Стакан в руке моей качнулся,
И я на скатерть пролил чай.

Она меня не замечала,
С подругой ела и пила,
На ней коротенькая блузка
И юбка синяя была.

~~Я картой кунаний~~
~~Я взял меню, я им закрылся,~~
~~И стал следить за ней как вор.~~
~~Она смеется~~

~~Вот засмеялась и открылся~~
~~Зубов жемчуж~~
~~Она с подругою шутила~~
~~Слегка открыв зубов набор~~

Она с подругою шутила
Открыв зубов жемч. ряд
Тут захотелось мне услышать,
О чем они там говорят.

И я сидел, Иван Макаров,
Который был грозой для всех,
И я глядел, Иван Макаров,
Разинув рот, на женский смех.

И в том смехе было столько ласки
И простодушного огня,
Что я решил: Вот так же будет
Она смеяться для меня.

V.

Характер мой обыкновенный,
Я самый средний человек,
Но есть во мне такое свойство
И не изменится навек:

Когда я захочу чего-то,
Иль если в женщину влюблюсь,
Я все старанья применяю,
Умру, а своего добыюсь.

Тогда мне жизнь — дорога к цели,

Я с той дороги не сойду.
Так и теперь, я поднял руку,
Чтобы сорвать ~~ехватить~~ свою звезду.

Я не писал зарокров кровью,
Обетов богу не давал,
А просто в миг один решился
И на дорогу твердо встал.

Чтоб этой девушки достигнуть
Я был готов всю жизнь отдать,
И стал стремиться к встрече с нею,
Знакомства с нею стал искать.

Во всякий час передо мною
Горел любимый светлый взгляд.
Мне впереди светило солнце,
Я не хотел пути назад.

VI.

Узнав где девушки квартира
Я там все время проводил,
Под окнами моей любимой
Как приведение бродил.

Она в семье большой и дружной
Среди сестер своих росла,
Из девочки обыкновенной
Вдруг пышным цветом расцвела.

На сладкое слетелись мухи
В нее влюблялись все подряд.
Я видел, что к моей любимой
Тянулось множество ребят.

И я, засунув руки в брюки,
Глаза прикрывши козырьком,
Бродил, глядел, осведомлялся
В раздумье крепком и немом.

Однажды я ее увидел,
Забилось сердце горячо,
С ней рядом бодро шел вприпрыжку
Какой-то резвый толстячок.

Он был одет как на картинке,
Рукою шляпу поправлял.
Скрипели желтые ботинки,
И брючки ветерок трепал.

Лицо казалось мне знакомо,
Как недосказанный намек,
Как был он жалок рядом с нею
Влюбленный этот толстячок!

Она прошла, меня не видя,
Он перед ней щенком юлил.
К стене прижавшись, незаметно
Я взгляд ее перехватил.

В нем было к спутнику презрение,
Усталость долгого пути,
Стремление поскорей расстаться
И в дом спокойный свой войти.

Я тихо шел за ними следом
На расстоянии большом.
Она небрежно распрощалась
И радостно вбежала в дом.

А толстячок с любовным влюбленным видом
Ей в спину помахал рукой,
Потом опять поправил шляпу,
Вздыхнул и зашагал домой.

Вот тут я взял его под (за) локоть:
«Мне нужно с вами говорить».
Он так затрясся, что беднягу
Пришлось мне к стенке прислонить.

«Спокойно, гражданин, спокойно,
Ведь вы мужчина, ну смелей. . .
Скажите, разве вам не ясно
Что вы осточертели ей?»

«Вы хуже редки недели,
На вашу шляпу ей плевать.
Зачем вы ходите за нею?
Да перестаньте же дрожать!»

И что же — вижу, ободрился

Стоит, отёр лицо платком
И пискнул: «Я женюсь на Ане», —
Своим дрожащим голоском.

Тогда я взял его за плечи
И приложил опять к стене
Уже совсем плохие мысли
Пришли тут в голову ко мне.

Я подавил все искушенья
И только так ему сказал:
«Чтоб с этой девушкой, собака¹,
Тебя я больше не видал».

~~Я опустил его, но не помнил,~~

Толстяк ушел неровным шагом
Он шел с оглядкой и дрожал
Глядел я следом — вдруг он, вижу,
Рванулся прочь и побежал.

Я долго размышлял над этим:
Что он нашел в лице моем?
Какого хрена так боялся
И спасся от меня бегом?

Спустя часа четыре, вспомнил,
Откуда мне знаком толстяк:
Давно, такую же весною
Я как-то снял с него пиджак.

VII.

Играет музыка в беседке,
Горят огни, горит луна.
На молодежное гулянье
Сегодня в парк пришла она.

Я здесь один — друзья в разброде,
Алеша Сивый снова сел.
Блин где-то пьянствует с своими,
Медведь на воды улетел.

Они за это время, впрочем,
Далеки стали от меня.

¹Вар: Чтоб с этой девушкой, подлюга,

Они корят меня при встрече,
Во всем ту девушку вина.
Ее, узнал я, звали Аней,
Она суровою слыла.
Шутить любил над парнями,
Без всякой нежности жила.
Когда-то Блин в нее влюбился
И силой увезти хотел.
Он не рассказывал об этом,
Он это сделать не сумел.
Хотя она пришла сегодня
Одна, вокруг нее тотчас
Толпа влюблённая знакомых,
Подруг завистливых сошлась.
А я лишь глянул издалика
И папироску закурил.
Сегодня с нею в этот вечер
Я познакомиться решил.

VIII.

На танцплощадке тьма народу,
На танцплощадке толкотня.
Я подхожу к ней: «Разрешите?»
Она взглянула на меня.
Такая живость в этом взоре
Я не могу изобразить:
В нем виден юмор и свобода
Или желание подшутить.
Она лицо мое узнала
Хоть виду и не подала.
Она кивнула, молча встала
И танцевать со мной пошла.
Чтоб сразу было все в порядке
Не ждал я, уверяю вас,
На гулких досках танцплощадки
Мы с ней танцуем быстрый вальс.
Кружу ее быстрее, быстрее,

В веселой этой толкотне,
А платье кружится за нею
И задевает ноги мне.
Но что же случилось со мною?
Лицо горит как от вина.
Волос душистою волною
Меня касается она.
Ее рука в моей ладони
И тело под моей рукой.
Я чувствую в себе волнение.
Ведь я не мальчик, что со мной?
С трудом я справился с собою,
Волнение поборол свое...
И пахло травкой луговой
От шеи и груди ее.
Когда же трубы замолчали
С плеча сошла ее рука,
Сказала Аня мне:
«Спасибо,
Что ты отвадил толстяка».
А я в ответ к ее головке
Интимно голову клоню¹:
«Скажи мне, Аня, только слово,
Я всю шарагу разгоню».
Она впервые улыбнулась
И покачала головой.
Под платьем пахло ее тело.
Весенней травкой луговой.

IX.

Вот на скамейку Аня села
И тотчас собрались вокруг
В нее влюбленные ребята
И целый взвод ее подруг.
Я скромно встал неподалеку
В густую тень листвы вошел.

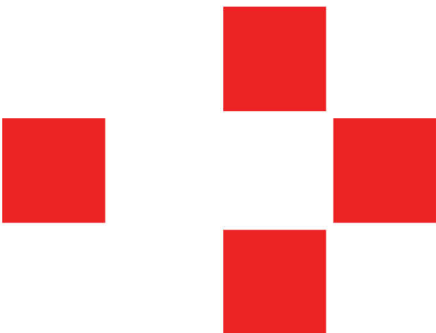
¹Вар: Тихонько голову клоню

Они меня не замечают,
Я слышу разговор зашел.
Об этой личности известной,
И подозрительной вдвойне,
Об этом типе неприятном,
Короче — слово обо мне.
Один сказал: «Я знаю парня. . .
Ночной грабитель, хитрый вор.
Его зовут Иван Макаров
Блатное прозвище — Фарфор».
Я замер, уши наостривши
Не отводя от Ани глаз.
Что скажет Аня? Что ответит?
«А как,- спросила, — он сейчас?»
Ребята смотрят друг на друга,
Не знают, что в ответ сказать:
«Сейчас живет вполне спокойно
Пока плохого не слыхать».
Она подумала немного.
«Вы судите по старине,
Быть может он переменялся».
И сразу легче стало мне.
«Он не грубит, танцует ловко,
Хоть, видно, кавалер плохой.
И от него не пахнет водкой.
Ты слышишь, Вася?»
— «Не глухой».
Тогда я скромно снялся с места
И тихо ускользнул от них.
Я всей душой стремился к Ане,
И я любил ее, как псих.

Х.

Биографический отдел

Truth is stranger than fiction (или
правдоподобнее правды?).

"Stop press" — "остановка печати", условный за-
головок, под которым газеты печатают только что полу-
чившие сенсационные **новости**. У нас в таких слу-
чаях ставят: „когда вернется номер“.

Толстой: „Гладких, жуирующих и само-
удовольных мыслителей и художников не
бывает.“

Биографический отдел

Воспоминания студентов филологического факультета БашГУ разных лет

И. Раздумина:

Мы сдавали экзамен по литературе. А студенткой, надо сказать, я была той еще - с третьего курса по ночам работала в ночном клубе, поэтому часто мне не хватало времени на то, чтобы толком подготовиться к зачетам-экзаменам. Учила урывками, писала шпаргалки и бомбы — все, как у нормальных студентов! Ромэн Гафанович потрясающе рассказывал, умел вовлечь любого, даже самого ленивого студента. На его лекциях все слушали, затаив дыхание. И так же вразумительно записывали за лектором. Поэтому и готовиться к экзамену по предмету Назирова было легко, а сдавать — непринужденно. Но я не успела доучить все билеты. И вот для подстраховки придумала — а положу-ка я себе на колени волшебную тетрадь с лекциями Ромэна Гафановича. Если не смогу воспользоваться, так хотя бы для успокоения — это тоже отлично работает! Тем более что Ромэн Гафанович имел обыкновение ходить по аудитории — и во время своих лекций, и во время приема экзамена. Вот и на этот раз он совершал рейд между партами, давая мне, дерзкой нахалке, возможность подсмотреть. И я это сделала! Педагог повернулся ко мне спиной, и я быстренько отлистала положенные страницы в тетради. Хоть убейте, не помню, какой именно билет мне попался. Но я все учила — нужно было лишь молниеносно пробежаться глазами по знакомой теме, и все. И вот сижу я такая довольная — все вспомнила, перевариваю, чтобы быстренько это все законспектировать и пойти отвечать. И вдруг у меня с колен падает тетрадь! И причем так далеко от меня падает. А тишина в аудитории стояла первозданная — тишь да благодать. Тетрадь немаленькая. Мне почудилось, что упал кусок арматуры — так громко это прозвучало. Секундный ступор. Потом — мысли заметались наперегонки: что делать? Поднять и живо положить тетрадь туда, где она и была — на колени, пока Ромэн Гафанович никак не отреагировал? Отпинать удружившую мне шпаргалку подальше от себя под соседний стол и прикинуться невинной овечкой — не мое де? А Назиров между тем так и ходил по аудитории, не сбавляя скорости. Ждал, когда начнет отвечать первый экзаменуемый. Деревянными ногами я пододвинула тетрадь поближе, наступила на нее обеими туфлями и замерла. Точно помню, что чувствовала в тот миг — как будто разверзлась земля и сейчас меня поглотит без остатка злая сила. Мучительно стыдно и жутко — прямо до физической

боли. И вот пока меня терзают муки совести, а лицо, думаю, полыхает всеми цветами радуги, Ромэн Гафанович вдруг неожиданно начинает что-то насвистывать. Негромко, себе под нос. И так же ходит меж рядов. Уф, мамочка родная, думаю я! Дожидаюсь, когда он в очередной раз поворачивается ко мне спиной, молниеносно наклоняюсь и поднимаю злодейку-тетрадь! Все, спасена! Кладу ее себе на колени. Выдыхаю. Жизнь прекрасна! Отвечала я предпоследней. За время ожидания своей очереди у меня была возможность хорошо спрятать на себе тетрадь, что я и сделала. И отвечать пошла бодро, почти в вирипрыжку. Сдала я на пять. И до сих пор благодарна Ромэну Гафановичу за то, что даже намеком мне не показал, что в курсе моего позорного шпаргалства. Не зря ведь он насвистывал!

Он восхищался моей одногруппницей. Дело было после защиты диплома. Он вместе с Гайсиной сидел на нашей защите. И вот в конце, когда мы уже сидели за накрытым столом и радовались, Назиров в восхищении обсуждал со мной Наташу. Сама Наталья вышла. А Ромэн Гафанович сидел возле меня. И не смог смолчать.

Он разводит руками и восторженно мне говорил: «Вы видели, какие у нее ноги?! Какая красота!». Говорил он это не тихо, украдкой, а вполне в голос. Делился эмоциями со всеми. Сидевшая напротив Гайсина в какой-то момент не выдержала и сделала ему замечание. «Ромэн Гафанович, они же студентки, как можно?». На что Назиров, покрутив вилкой, изрек: «Они сегодня защитились, так что не студентки, а коллеги». Разумный довод.

Ю. Марьенко:

Весна для многих студентов была не цветущим волшебством, а временем кропотливой работы над курсовыми и тотальной зубрежки перед зачетами. Суматоха, бессонные ночи, покрасневшие глаза, и самое главное — трепет перед тяжелыми дверями, за которыми профессора, доценты и иже с ними ожидали четверокурсников. Одним из последних зачетов мне предстояло сдать профессору Назирову. Получила билет, поняла, что не могу вспомнить почти ничего относительно полученных вопросов. Легкая паника усугублялась суровой обстановкой кафедры и индифферентным выражением лица профессора Назирова. Вдруг он встал и вышел из комнаты, я продолжила борьбу с коварной памятью, отказывавшей мне в такой сложный момент. Вошёл Назиров. «Это ваши стихи напечатаны в стенгазете? — спросил он, — Шикарная строчка: И зимне-снежная коса касается елей, как у вас дальше?» «Как поседели небеса, и сыплют сединой, а темный лес закрыл глаза, чаруемый зимой» — пробормотала я, и вдруг поняла, что этот непринужденный разговор оказал на меня магическое воздействие: волнение ушло, ответ на вопрос я вспомнила практически сразу, отвечала четко и уверенно, и с радостью получила зачетку. Конечно, профессор Назиров не столько был восхищён не слишком умелыми стихами своей подопечной. Он тактично и мягко попытался помочь мне побороть волнение и страх, и ему это удалось великолепно, как, впрочем, удавалось все, к чему он прикладывал свой талант и глубокие познания.

В. Глушкова:

Знаешь, запомнилось вот что — его умиротворенность. Мудрое спокойствие. А близко с ним общаться не пришлось, к сожалению. Умиротворенность в походке. В облике. В позе — помню как-то он сидел у себя на кафедре, такой спокойный и раскованный. Человек который принимает жизнь такой, какая она есть. . .

Е. Волосатова:

Занятие спецкурса. В аудитории 10–15 студентов. Р. Г. цитирует что-то на английском.

— Переведите!

Тишина, все переглядываются.

— Что, никто не знает английского? Не верю, вы же четвертый курс! Переведите! — сердито.

Тишина.

— Что за черт! Так, кто английский знает, руки поднимите!

Улыбки, переглядывания, шопоток. Ни одной руки.

— Так, спрошу по-другому — кто изучает английский?

Лес рук.

— Ну вы. . . филологи! (Невольная улыбка)

Девушка читает доклад за кафедрой, волнуется, боится оторваться от записей. У Р. Г. хорошее настроение, он что-то, кажется, даже напевает тихонько, проходя между рядами. Обращаясь к докладчице:

— Да, вы же Наташа, кажется, Окунева?

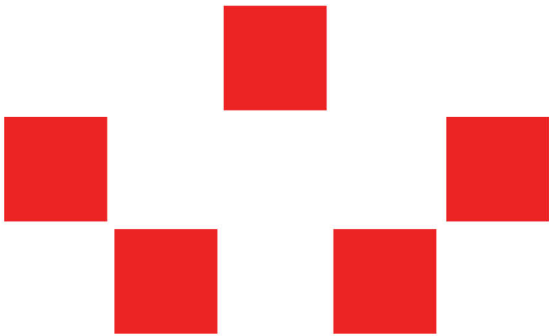
— Да. . . (недоуменно)

— А вот выйдите замуж за Щукина и возьмете двойную фамилию и будете Окуневой-Щукиной, — Р. Г. с лукавой мальчишеской улыбкой.

Как-то зашел разговор о рекламе, которую только начали вставлять в художественные фильмы (90-е годы). Мнение Р. Г.: Зря вы возмущаетесь. . . Можно встать, пойти на кухню, поставить чайник. Можно выкурить маленькую папироску. . . Поцеловаться, наконец!

Исследования

«Une grande passion» [великая страсть] – привилегия людей, которым нечего делать. ← Правда на сто процентов. До сего дня поэзия не интересует, простому кусочку хлеба. До сего дня простой, будничной труд не поэтичен.

Исследования

О стихах Р. Г. Назирова

А. М. Буранчин

Центр гуманитарных исследований Республики Башкортостан

В настоящий момент из архива извлечено и набрано 92 стихотворения Р. Г. Назирова, включая наброски к поэме «Времена года». Вероятно, в последующем найдутся и другие образцы его поэзии, хотя, опираясь на имеющийся круг источников, уже сегодня, говоря о назировских стихах, можно сделать определенные выводы. Большинство из них, к сожалению, не имеет датировки, тем не менее, на некоторых стоит день, месяц, год и даже место написания. Первое датировано 1951-м годом, последнее — 1962 г. И, опираясь на биографию ученого, составленную Б. Ореховым и С. Шауловым¹, а также по содержанию самих стихов, можно с высокой долей уверенности предположить, что они были написаны главным образом в указанный промежуток времени, во всяком случае, основная их часть². Таким образом, первое стихотворение появилось на свет, когда Назиров был юношей, оканчивающим школу, а последнее (из введенных в оборот) — в относительно зрелом двадцативосьмилетнем возрасте. Видимо, с желанием стать поэтом Ромэн Гафанович расстался еще раньше, чем с писательскими амбициями, хотя и продолжал писать рассказы, повести и романы до середины 70-х годов³. Следовательно, читая их необходимо помнить, что они написаны молодым человеком, социализация которого проходила в сложной и противоречивой атмосфере политической жизни советского общества 1950-х–60-х годов, в период развенчания культа личности и относительной либерализации действующей системы. Когда в сфере искусства наметились мощные тектонические сдвиги и были сделаны попытки, отойдя от принципов соцреализма, расширить поле советской литературы, в том числе и в поэзии.

Стихи Назиров, судя по всему, начал писать раньше, чем перешел к своим прозаическим опытам, что в условиях советского литературоцентризма было распространенным и типичным для СССР явлением, где чуть ли не каждый второй школьник сочинял их или мечтал стать известным поэтом. Этому способствовали и творческая семейная среда, и рано проявившиеся способности самого юноши.

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2.

²Если быть точным из 92 стихотворений в 1951 году написано 2; в 1952 г. — 1, 1953 г. — 5, 1954 г. — 4, 1955 г. — 4, 1957 г. — 4, 1958 г. — 7, 1959 г. — 3, 1960 г. — 3, 1961 г. — 6, 1962 г. — 1. Таким образом, датированных рукописей стихов — 40, без дат — 52. Поэтому речь в статье идет, скорее, о попытке литературной реконструкции, основанной на анализе биографических данных и имеющихся стихотворных текстов.

³Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 105.

Стихотворения Р. Г. Назирова ценны, прежде всего, как биографический и исторический источник, хотя в художественном плане во многом невыразительны и банальны; обладают слабым суггестивным воздействием. Осилить их за раз довольно утомительно, из-за однообразного, громоздкого и, порой, неровного слога. Они намного слабее, чем, скажем, образцы его поздней прозы, которая также, по мнению некоторых исследователей, является «слабой прозой»⁴. Читая их каждый раз ловишь себя на мысли: почему будущий выдающийся литературовед и ученый, обладавший несомненным художественным чувством и интуицией мог писать такие наивные и часто нелепые стихи? Примечательно также, что за все время своего стихотворчества, Назиров как поэт, практически никак не эволюционировал: его стихи 1950-х годов качественно мало чем отличаются от стихов начала 60-х. Конечно, под конец он постарался расширить свой поэтический горизонт, перейти к более глубоким философским размышлениям и даже к поэмам, однако особых успехов в этом направлении не достиг. И это при том, что еще в школьные годы он самостоятельно, чтобы читать и делать переводы рассказов Бальзака, выучил французский язык (как позднее немецкий и итальянский). Также в архиве встречаются назировские переводы из польской и английской прессы⁵. Существуют и его опыты переложения поэзии французских сюрреалистов⁶. Это стихотворения Андре Бретона («На взгляд богов»), Бенжамена Пере («Мемуары Бенжамена Пере») и Поля Элюара (из сборника «Любовь поэзия»). В этой связи любопытно отметить стихотворение 1953-го года («Ты помнишь день?»), на рукописи которого двадцатилетний Назиров сделал пометку: «Одна строчка — плагиат из Верлена». Оно достаточно интересное, в нем есть изысканная и утонченная лиричность с эротическими мотивами, что в целом не характерно для его поэзии. Приведем для примера две строфы из него:

В тот душный жаркий день вдруг сбились мы с дороги,
Усталых путников прохладный лес манил.
Просилось тело лечь, и не держали ноги,
Покинуть заросли у нас не стало сил.

И там, в густой тени, мы наземь опустились.
Был лес высок, и даль небес светла.
Мы обнялись с тобой, сердца сильней забились,
И ты впервые узкий пояс свой сняла.

Однако это скорее редкое исключение, а основная масса стихотворных текстов представляет собой странную смесь образцов советского соцреализма с подражанием поэзии русских классиков главным образом «серебряного века». Тем не менее, именно эта парадоксальность (параллельное сосуществование в его сознании профанного, дилетантского и,

⁴Орехов Б. В. Назиров-писатель: внесистемный профессионал или рефлексирующий дилетант? // Назировский архив. 2017. № 2. С. 100.

⁵Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 86.

⁶Назирова Р. Г. Переводы из сюрреалистов // Назировский архив. 2014. № 1. С. 68–72.

одновременно, хорошее знание и понимание высокохудожественных текстов), некая раздвоенность, которая проявилась еще в ранние годы, наиболее четко прослеживается в стихах, а не в прозе ученого. С одной стороны, молодой Р. Назиров был типичным продуктом советской системы¹, сознание его было «сакрализовано» и, на наш взгляд, излишне политизировано (вероятно из-за того, что он был сыном репрессированного партийца)²; находилось под сильным давлением мифов и идеологии правящего режима. С другой, в нем уже тогда шла скрытая работа, и создавались предпосылки для последующего отхода от полюса официальной культуры к полюсу свободного и автономного творчества, от мифопоэтического синкретизма к научно-рациональному постижению сути различных процессов и явлений.

Главная ценность стихотворных текстов Р. Г. Назирова состоит в том, что в отличие от прозы, они позволяют увидеть его внутренний мир, ход мыслей, личные переживания, а также образ жизни, который он вел в этот период. Большинство из них, особенно в которых повествование идет от первого лица (кроме «поэм»), основано на личном жизненном опыте, хотя точно определить, где реальное событие, а где художественный вымысел, уже невозможно. Значительная часть стихов Назирова — это любовная лирика. И, как всякий начинающий поэт, он старался опереться на существующую литературную традицию. Показательно, что к одному из своих стихотворений («Воспоминание»), он делает приписку: «кажется, подражание К. Симонову». Однако, если и говорить о подражании, то первое что бросается в глаза в его стихах, это сильное, вплоть до прямого заимствования тем и речевых оборотов, влияние поэзии С. Есенина и В. Маяковского, что во многом является результатом воздействия литературной иерархии навязанной советской идеологией. Можно, конечно, допустить, что в 50-е годы он еще не был знаком с творчеством, скажем, О. Мандельштама и других запрещенных в тот момент поэтов «серебряного века». Однако в числе официально публикуемых тогда писателей были Б. Пастернак и Н. Заболоцкий, а также частично реабилитированная к этому времени литература 1910–1920-х годов, но эти пласты культуры практически не отразились в его поэтическом языке. Наверное, это связано и с особенностями формирования литературы периода «Оттепели». По мнению М. Берга, в те годы даже «такие журналы как «Юность» или «Новый мир», являясь выразителями «оттепельного» неотрадиционализма, в равной степени противостояли как традиционному соцреализму, так и новаторским течениям в современной литературе, пытаясь выстроить концептуальную линию без учета не только мировой, но и русской литературы 1920–1930-х

¹В 1995 г., заполняя личный листок по учету кадров Назиров в графе «национальность» пишет: «татарин», что было обычной и формализованной практикой для бывшего населения СССР в вопросах этнической самоидентификации. Однако считать его татариним или евреем, было бы, на наш взгляд, ошибкой, поскольку он вырос в деэтнизированной городской среде, с детства не говорил на татарском или еврейском языках; у него не было соответствующего окружения из числа близких родственников и т. д. Установки союзной (общегражданской) идентичности явно преобладали в нем над идентичностью региональной или этнической (хотя определенный интерес к своим корням у него присутствовал). Назиров, таким образом, был в этом смысле типичным советским человеком. См.: Личный листок по учету кадров Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. № 1.

²В 1938 г. его отец Гаффан Шамгунович, был расстрелян вместе с видными представителями башкирской национальной интеллигенции: Даутом Юлтыем, Тухватом Янаби, Габдуллой Амантаем и др.

годов»¹. Во всяком случае в 60-е годы Назиров уже точно знал широкий круг поэтов самых различных эпох и направлений. Существует и назировская дневниковая запись по этому поводу, которая позволяет определить его тогдашние литературные предпочтения: «Сейчас я выше всех поэтов ставлю Лорку и Тувима. Снова начал любить Бодлера. Очень люблю Марину Цветаеву. Из наших — Луговской, Заболоцкий, Слуцкий, Мартынов. Несколько интересует Гумилёв»². Кроме того, в дневниках этого времени встречаются выписанные стихотворения Иосифа Бродского и польского поэта К. И. Галчинского³. Известно также, что он с иронией относился к Е. Евтушенко и А. Вознесенскому, тепло отзывался о песнях Б. Окуджавы.

Влияние Маяковского настолько значительно на поэзию Назирова, что невольно возникает вопрос: а есть ли в этом лирическом герое, который постоянно громит мещанство, нарочито груб и прямолинеен, но одновременно прост и сентиментален, сам Назиров или это все-таки образ пролетарского «агитатора, горлана-главаря»? Однозначно ответить на него сложно, и поэтому, читая стихи, следует учитывать это обстоятельство и крайне осторожно делать оценки и выводы. Особенно когда, говоря о проходящей мимо девушке, он использует выражения такого рода:

Красивый стан, походка королевы,
А волосы — как золотой венец.
Смотрю спокойно я. «Отлиты все вы,
Все — на один и тот же образец.
Ласкается — погладь её нежнее.
Упрямится — ударь её хлыстом».
И я шаги замедлил перед нею,
Чтобы в лицо ей выпалить дымком.

Или когда на есенинский манер обращается к читателю со словами («Мое счастье»):

Отчего вы смеётесь, проклятые?
Я не пьян, я нисколько не пьян.
Мне приснилось моё невозвратное
Через винный горячий туман.

Порой Назиров пользуется и образами Есенина («Звезда»):

Нет, плакать не могу. Я всё уже истратил,
Всё до последней выплакал слезы.

¹Берг М. Ю. «Литературократия». Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. С. 79.

²Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 103.

³Там же. С. 102.

Мне весело, когда по небу ветер катит
Большую скалку матери грозы.

В стихах встречаются и прямые отсылки к самому автору:

«Ну, Ромочка, милый, зайдем!» — Нет.
Я вырвусь и хлопну дверью.
Какой бы ни был я паршивый поэт
А в кабацкое счастье не верю.

Неверно также думать, что поэзия Назирова представляет собой одно лишь слабое подражание классикам. Иногда ему удавалось найти очень оригинальные обороты или создать строфы, полные тонкого лиризма:

Мы помним взгляд живой и зыбкий,
И глаз изменчивых цвета,
Змеиный блеск её улыбки
И родинку у края рта.

(«Воспоминание»)

Свет фонарей дрожит и льётся зыбко,
Часы летят, минуты коротки.
Я унесу с собой твою улыбку
И снежный запах маленькой руки.

(«Снег в городе»)

Но это скорее исключение и от влияния творчества Маяковского он так и не смог избавиться, даже в конце 50-х годов продолжая писать стихи следующего характера («В час ночи»):

Ну, полно те хныкать! Платок достань-ка,
Вытри слёзы с личика.
По небу гуляет бесстыжая Манька —
Луна без трусов и без лифчика.
Такая паскуда! Ей только монету,
А там — катай, как хошь её.
...Хочу закурить, а спичек нету.
И нынче не курят прохожие.

Или в стихотворении 1959 года под названием «Волшебство»:

Мы — новые, нет этой нудной трясины,
В глазах отчуждённости холод пропал.
Я видел: пропойца трёхлетнему сыну
Яблоко
 рыжее
 покупал.

По злой иронии судьбы в 1960 году будущий ученый-достоевсковед пишет такие строки («Покончено ещё с одной мечтою»):

Я обнимал её с такою силой,
Ещё немного — брошу и сомну...
Но отвращенье тайное сквозило
В её лице, повернутом к окну.
Кому смешно, а мне до боли мерзко.
Похолодело у меня в груди.
За этим всем из гроба Достоевский
С садистским удовольствием следил.

Молодой Назиров подобно сейсмографу, чутко реагировал на важнейшие общественно-политические события, происходившие в Советском Союзе и в мире, что по-своему преломлялось в его стихах. В 1962 г. накануне исторического запуска космической ракеты, он пишет восторженное и полное веры в человеческие возможности, стихотворение, проникнутое мессианскими предчувствиями и настроениями («Накануне старта»). Интерес представляют и, обращенные неизвестному адресату, стихи «Другу и ровеснику» (1958), который, судя по всему, покончил с собой. В них, помимо размышлений о поколении, которому «не хватает силы», которое не терпит «боли и слез», Назиров полунамеками и туманными фразами говорит о событиях, предположительно, связанных со смертью Сталина и началом хрущевской «оттепели».

Пересменок роковой, опасный!
Устоять сегодня мы должны.
Хоть и трудно ждать за пеной красной
Появленья голубой страны.

Последние строфы стихотворения, которое по форме и содержанию отдаленно напоминает известные стихи Маяковского на смерть Сергея Есенина, удачны и оригинальны; проникнуты антисталинскими, антитоталитарными мотивами:

Под тобою подломились ноги,
Ты с сомненьем глянул в пистолет,
И тогда-то он, тупой и строгий,

Дал тебе уклончивый ответ.
.... Будет светлый полдень в целом мире:
Ты поднимешь голову в гробу,
И архангел в маршальском мундире
Затрубит в огромную трубу.
И сидеть на золотом сиденье
Будет бог в блестящих башмаках.
Ты же, как свидетель обвиненья,
Принесёшь свинец в своих кишках.

Конечно, Назиров, особенно в этот период, был вполне лоялен власти, горячо и искренне верил в советский проект, однако вопросы, связанные с репрессированным в 1938 году отцом (из-за чего он не смог поступить Ленинградский пединститут), волновали и не давали ему покоя. В стихотворении 1961 г. («На улицах родного города»), есть такие строки, которые косвенно свидетельствуют об этом:

Изволтузили, исколошматили,
А потом заявляют, что я пессимист.
Да ну их всех к чёртовой матери!
Я перед советским отечеством чист.

В целом следует отметить, что в характере Назирова, на наш взгляд, явно проглядывают черты, если так можно выразиться, ущемлённого «сословного» сознания. Будучи сыном крупного, по местным меркам, советского партийного деятеля, члена башкирского правительства¹ и матери из среды близкой к «старой гвардии» большевиков-ленинцев, он, безусловно, чувствовал, что судьба была к нему не совсем справедлива. Что уцелей, к примеру, в сталинских чистках его отец, то он, по факту своего положения, попал бы в ряды детей региональной номенклатурной элиты, т.н. «золотой» молодежи. Именно поэтому неосознанное желание вернуть свой утраченный социальный статус, могло стать мощным стимулом в реализации его, в том числе и творческих, амбиций.

Следует также выделить ряд стихотворений, посвященных теме войны в широком смысле, и военной тематике. Человек своего времени, молодой Назиров нес в себе многие черты и психологические травмы послевоенного поколения, включая и милитаризацию сознания, которая была важной составляющей работы советской идеологической машины. К примеру, в 1951 г. восемнадцатилетним юношей он пишет патриотичные, но довольно воинственные стихи под названием «Тучи нам грозят громами», в котором фигурирует некий, живущий «за синим морем» «враг», собирающийся в поход. Кто здесь конкретно подразумевается под «врагом» понять сложно, но известно, что в начале 50-х годов в советской внешне-политической пропаганде пересекались и стимулировали друг друга две основные линии,

¹Он возглавлял управление по делам искусств при Совнарком БАССР, что по нынешним меркам соответствует рангу министра культуры.

которые в конечном счете способствовали закреплению в общественном сознании образа американского милитаризма: корейская и западноевропейская, прежде всего германская. Существует и стихотворение написанное под впечатлением от общения с каким-то военным, участником Великой Отечественной войны («Тревожное»). К нему рукой Ромэна Гафановича сделано пояснение: «Это сон после рассказов фронтовика». Однако постепенно милитаристский накал снижается в его стихах, в них появляются антивоенные нотки. Уже в стихотворении «Лето 58-го» Назиров, потрясённый произведённой американцами в 1945 году атомной бомбардировкой города Хирасимы, пытается философски осмыслить новую угрозу; выражает тревогу и страх за будущее мира, который становится заложником «игр» военных и политиков. Окончательный поворот в оценке войны происходит в стихотворении «Ты прополз по мелкому осиннику» 1961 года. В нем повествуется о судьбе бывшего фронтовика, который совершил боевой подвиг на войне, был награжден, но спился и не нашел себя в мирное время («на тоску, скандалы и на водку, золотая слава разошлась»). И вот:

... теперь, с сознанием права,
У киоска с газированной водой
Штрафника и кавалера Славы
Бьёт в лицо дружинник молодой.

То есть здесь уже не только стремление показать «оборотную», негативную сторону войны, чего не было тогда в дискурсе официальной культуры, но и присутствуют определенные антиэтатистские мысли о бездушности, циничности тоталитарной системы. Темы, которые наиболее полно нашли свое отражение в творчестве В. Высоцкого (песни «Штрафные батальоны», «Про Сережку Фомина», «Все ушли на фронт» и др.). Можно сравнить слова инвалида из песни Владимира Семеновича «Я был батальонный разведчик», с указанным стихотворением Назирова:

Скупую слезой фронтовою
Гвардейский рыдал батальон,
Когда я геройской звездой
От маршала был награжден.
Потом мне вручили протезы
И быстро отправили в тыл,
Скупые мужицкие слезы
Кондуктор в вагоне пролил и т.д.

И даже концовка практически одинаковая: с обращением к народу и России, у Назирова:

До чего ж мы всё-таки в России
Тёмный и запутанный народ!

У Высоцкого:

Ох, люди вы, русские люди,
Подайте на чарку вина.

В целом в стихах Назирова есть определенные тематические параллели и схожие интонации с текстами песен В. Высоцкого (особенно в стихотворении 1962 г. «Была на танцы и наряды падкой»), хотя он нигде о нем открыто не упоминает¹. Предположение, что Ромэн Гафанович мог не слышать или не ценить его как поэта-песенника, кажется маловероятным.

Отдельное место в поэзии Назирова занимает пространство, имеющее региональную и локальную «привязку», особенно относящееся к столице Башкирской АССР — Уфе. В стихах можно встретить упоминания названий — реки Белой («Мы встречались в парке над рекою Белой»), Демы («Двое в лодке»), города Салавата², включая общие описания природы. В Салавате молодой Ромэн мог побывать, когда работал в редакции «Ленинца». В стихотворении речь идет о молодой девушке-заводчанке, которая после смены спешит домой. Оно проникнуто светлым лиризмом и желанием Назирова опоэтизировать труд советского человека («На улицы прямые Салавата»).

В истории Уфы 40-е и 50-е годы, это, прежде всего, годы активной послевоенной застройки, строительства новых промышленных объектов и расширения существующих производств. Во времена Великой Отечественной войны в Уфу и другие города республики свозились, эвакуированные в срочном порядке промышленные объекты с оккупированных, в последствии, территорий. В эти же годы интенсивно застраивалась четная сторона проспекта Октября, существовали уже кинотеатр «Родина», сквер им. Ленина и другие знаковые объекты. Возводились новые дома. Еще одна грандиозная стройка того времени — построенный в 1956 г. мост, соединяющий два берега реки Белой, недалеко от дельты рек Белой и Уфимки. Новый, качественный этап в развитии Уфы начинается с 70-х годов, когда ее облик приобретает современные черты.

В социокультурном плане Уфа была городом со слаборазвитой городской культурой, с неустроенным бытом. И читая стихи Назирова, кроме незримо присутствующего уфимского пейзажа, можно увидеть и почувствовать дух и атмосферу того времени — с ее ночными фонарями, студентами и рабочей молодежью; с праздничными демонстрациями перед памятником Ленина; с танцплощадками, сделанными из досок; с ресторанами и столовыми, шпаной и пьяными драками. Наконец, услышать отголоски бытового языка, на котором разговаривали тогдашние уфимцы. Наверное, здесь сказалось и то, что он был еще очень молодым человеком, который любил погулять и выпить в шумной компании (судя по стихам), знакомиться с девушками. Есть интересное в этом смысле стихотворение Назирова, в котором, как нам кажется, отразились факты из его реальной жизни («Сегодня как будто свежее»).

На улицах много народа,

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 103.

²Крупный промышленный город в Башкирской АССР.

Закатные краски горят.
 «Какая же завтра погода?» –
 Друзей вопрошаю подряд.
 — «Неважно» — друзья отвечают. —
 Гуляем сегодня — лафа».

И вот уж я полночь встречаю
 Сижу в ресторане «Уфа».
 ... О чём-то приятели спорят,
 И джаз Бочарова гремит.
 Меня среди винного моря
 Предчувствие злое томит.
 Я пью и совсем не пьянею. . .

Упомянутый в тексте ресторан «Уфа» был в это время известным и модным местом столичной «тусовки», куда приходили в том числе, чтобы послушать джаз. Поэтому эпитет «гремит» в данном случае можно интерпретировать и в значении слова «знаменитый». Как утверждает композитор А. Хасаншин, годом рождения джаза «в Уфе можно считать 1949 год — тогда сюда приехали репатрианты из Шанхая, а именно джаз-оркестр Бориса Бочарова (около 15 человек) и часть оркестра знаменитого Олега Лундстрема. Большая часть этих людей задержалась в Уфе ненадолго, но остались их записи, грампластинки, манера свинговать. Вскоре появился джазовый оркестр в кинотеатре «Победа»¹. В целом в стихах много сюжетов, связанных с атмосферой и интерьером местных «ресторанов и кабаков», где стоят блюда с дымящимися сигаретами, белеет скатерть с мокрым пятном от пролитой водки и т.д.

Судя по черновикам у молодого Р. Назирова были замыслы написать и более крупные поэтические произведения. К примеру, в архиве имеются стихи с надписью «К финалу поэмы “Для меня”». Однако о чем она и какой планировался сюжет, понять трудно. Скорее всего, что-то связанное с советско-революционной тематикой. Есть и значительный по размеру набросок с зачеркнутым названием «Проклятие», который также, видимо, является замыслом ненаписанной поэмы. В нем (как и в стихотворении «Грешница») присутствуют мотивы западноевропейской литературной традиции, намечена сюжетная линия. Основное действие происходит глубокой ночью в парке, где идет веселый и шумный маскарад. Главный герой и его друг, похожие голосом, одинаковые ростом, оба в масках и в черном домино, расходятся опьяненные танцами и вином. Затем герой встречается с прекрасной незнакомкой, которая принимает его за другого и признается ему в любви. Несмотря на очевидную банальность сюжета, оно интересно тем, что в нем Назиров постарался отойти, от привычного для себя, описания окружающей советской действительности и выйти на более широкие

¹Барановский А. Джаз — это настоящее искусство. Интервью с композитором Азаматом Хасаншиным // Истоки. 2013. № 49–50 (869–870). 13 декабря. С. 23.

художественно-исторические темы, что позднее было реализовано им в рассказах о русских писателях, в романе о Пушкине и в незаконченном романе «Звезда и совесть».

Наконец, наиболее крупными по объему являются наброски к поэме «Времена года». Судя по составленному плану, это должно было быть широкое лирическое произведение, состоящее из четырех глав или разделов. В заглавии рукописи есть надпись Ромэна Гафановича с их примерными названиями и сюжетными линиями: 1) Весной полюбил, 2) Летом играла, 3) Осенью сказала: «люблю другого», 4) Зима». О масштабах задуманной поэмы говорит тот факт, что Назирову удалось написать, хоть и не завершённую, но большую по объёму (I–IX) первую главу, соответствующую «Весне». В ее основе история взаимоотношений местного хулигана Ивана Макарова по кличке Фарфор и девушки Ани. Главный герой — хулиган и мелкий грабитель, но при этом решительный и смелый человек, способный к высоким чувствам. Это довольно распространенный для того времени социальный типаж, внутренний мир которого хорошо показан, к примеру, в раннем периоде творчества В. Высоцкого, в песнях: «Татуировка», «Песня о Нинке», «Красное, зеленое», «У тебя глаза как нож», «Что же ты, зараза?» и др. Его возлюбленная Аня также из обычной и многодетной семьи («Она в семье большой и дружной Среди сестер своих росла»). Гротескный толстяк — ее ухажер, прилично одетый и имеющий более высокий статус, выставлен явным антиподом симпатичному хулигану. Можно предположить, что и дальнейшее развитие сюжета шло бы в сугубо лирическом ключе, а в финале поэмы, героиня (если исходить из плана) бросила бы Ивана, полюбив другого.

В 50-е годы молодой Назиров активно пишет стихи, прозу и мечтает стать признанным поэтом или писателем. Работая сельским учителем в с. Бишкаин Аургазинского района БАССР, он специально приезжает в Уфу, где в апреле 1958 г. открывается второй пленум оргкомитета союза писателей РСФСР. Там пытается знакомиться с писателями, среди которых Сергей Михалков, Ярослав Смеляков, Валентин Катаев. Последнему Назиров вручил рукопись своего произведения¹. Встречается в номере гостиницы «Башкирия» с «официальными» советскими поэтами Смеляковым и Лукониным. Читает им свои стихи. Они его снисходительно критикуют, но советуют писать дальше. Примечательно, что после этих встреч у Назирова не только появляются признаки «комплекса провинциала», но и звучат нотки разочарования (Катаев ему так и не написал). Возможно, именно с этого момента он начинает сомневаться в своем поэтическом даровании. В дневнике Назиров сообщает, что отправил «зимой Михаилу Светлову 3–4 своих стихотворения, даже, кажется, в конце 1957 года, а ответа нет как нет. Москва не может думать о нас, провинциалах»².

В 1954 г. Назиров, будучи еще студентом филологического факультета Башкирского пединститута, начал печататься в молодежной газете «Ленинец», которая появилась тогда на волне хрущёвской «оттепели». После года учительства в бишкаиновской школе он возвращается в Уфу, где устраивается на работу в эту же газету в должности заведующе-

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 93.

²Там же. С. 94.

го отделом литературы и искусства. Начитанный и широко образованный Назиров, сразу становится центром притяжения и авторитетом для пишущей молодежи. По словам современников: «Вокруг Назирова, который считался корифеем в поэзии, литературе, искусстве, крутилось множество талантов <...> В редакции газеты Ленинец, в ее коридорах вечно толпился молодой народ. За консультацией к Ромэну Гафановичу приходили молодые поэты и прозаики. . . »³. Вспоминая об этих годах Назиров в 1996 г. не без гордости напишет: «Сам я писал много и бойко, меня ценили за легкий слог, но главным моим честолюбием было открывать и печатать новых поэтов. То это были стихи, присланные из армии Марселем Гафуровым, то свежие, дикие стихи студента Газима Шафикова⁴, то беспутного, но очень талантливого Эдика Година, то Стаськи Суцевского. Я пытался спасти замечательного поэта Женьку Тареева, но он спился и пропал. Кому-то я помог в жизни. . . не все удалось»⁵.

В начале 60-х годов журналистская деятельность Назирова завершается. Происходят изменения и в личной жизни: он женится на Т. Н. Барышниковой, рождаются дети, а в 1962 г. поступает в очную аспирантуру филфака МГУ. Предположительно в это же время Назиров окончательно теряет интерес к стихотворчеству, но еще продолжает думать о карьере писателя. В его дневниках появляются мысли следующего характера: «Удивительно, как быстро меняется моя жизнь. Переход количества в качество. Видимо, поэтому я сейчас совсем не могу писать стихов. Всякая рифма — ложь»¹.

* * *

Поэтические опыты занимают значительное и особое место в творческом наследии Р. Г. Назирова, требуют дальнейшего и самого пристального изучения, хотя бы потому, что они оказали сильное влияние на формирование его личности, а также научные труды и предпочтения, в процессе литературоведческих исследований; способствовали развитию интуиции. Ведь даже постепенно отойдя от писательского дискурса к научному, Назиров, на наш взгляд, продолжал в своей работе использовать принципы и методы, по которым создаются литературно-художественные тексты. И поэтому можно согласиться с мнением Б. Орехова и С. Шаулова, что: «Если раньше особенный стиль его печатных работ воспринимался изолированно, как нетипичная для ученого риторическая стратегия, теперь, на фоне его многочисленных художественных занятий, становится ясно, что Назиров никогда не переставал быть писателем»². Что в нем очень много черт, которые позволяют отнести его к особому типу ученого — «писателя-литературоведа» (В. В. Борисова)³.

³Там же. С. 95.

⁴Известные впоследствии общественные деятели и писатели Башкортостана.

⁵Назиров Р. Г. Раз в жизни повезло // Назировский архив. 2015. № 4. С. 103.

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 99.

²Орехов Б. В., Шаулов С. С. Наследие Р. Г. Назирова до и после открытия архива // Назировский архив. 2014. № 4. С. 143.

³Борисова В. В. Р. Г. Назиров — писатель-литературовед // Назировский архив. 2016. № 2. С. 173.

Возможно этим обстоятельством объясняется и его интерес к изучению фольклорных сюжетов, древних фабул и мифов, который в конечном счете завершился попыткой создания «обобщённой картины мира, цельной модели, объясняющей исторические процессы в культуре человечества»⁴. А сами исследования, выполненные по строгим академическим канонам, написаны языком, в котором есть тщательно скрываемая автором эмоциональность, художественная насыщенность слова⁵.

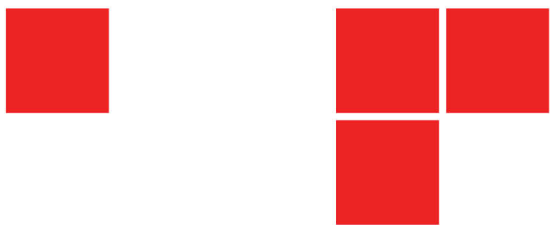
Однако формула: «писатель-дилетант, в итоге ставший выдающимся ученым» явно неприемима к такой сложной, во многом противоречивой, личности какой был Назиров, поскольку и его дальнейшая научная карьера плохо укладывается в рамки обывательских стратегий. Так, после окончания аспирантуры в 1966 г. он возвращается в Уфу и устраивается на работу в Башкирский государственный университет. В том же году защищает кандидатскую диссертацию в Москве, после чего получает должность старшего преподавателя кафедры русской (зарубежной) литературы и даже некоторое время исполняет обязанности декана. Назиров принимает активное участие в жизни факультета, имеет все возможности для продолжения карьерного роста. Однако с середины 1970-х годов, по мере того как он все больше погружается в свои научные изыскания, начинается процесс самоустранения и отхода Назирова от общественной и административной деятельности. Параллельно, он изредка печатается в изданиях союзного уровня, и на равных общается с такими корифеями филологической науки как, например, Г. М. Фридляндер. Принимается писать докторскую диссертацию по теме сравнительной истории фабул. К началу 1980-х годов она уже полностью готова, но Назиров явно не спешит с защитой, хотя ректор направляет письмо в издательство Саратовского университета с просьбой ускорить публикацию монографии Назирова для защиты докторской. Монография «Творческие принципы Достоевского» издается в 1982-м, став единственной (из книг) прижизненной публикацией ученого. В 1995 году в Екатеринбурге ему все же присваивают докторскую степень, однако на защиту выносятся не сам текст, а лишь автореферат диссертации в виде доклада. Случай далеко нетипичный для российской науки. В это же время вновь происходят кардинальные изменения в личной жизни: Назиров разводится с женой, но при этом продолжает много работать, читает лекции. С 2000-го у него появляются депрессивные настроения, он болеет и, видимо, тяжело страдает от одиночества, а 16 января 2004 года умирает в больнице, не дожив трех недель до своего 70-летия¹.

⁴Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 114.

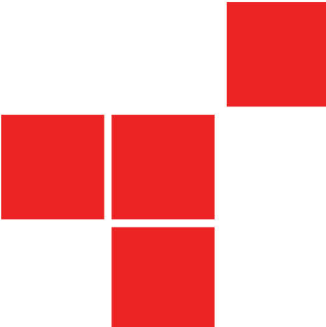
⁵С точки зрения социологии, такое стремление к «универсализму» у Назирова можно объяснить социокультурными особенностями характерными для людей «традиционного общества». К примеру, американский социолог Т. Парсонс выделял пять отличительных ролевых принципов, которые существуют в обществах современного и традиционного типа. Один из них — «диффузность/специфичность» указывает на то, что в традиционных культурах одни и те же люди могут выполнять множество ролей, господствует ролевая диффузия, т. е. нет прикрепления одной функции к одному индивиду. В то время как в обществах современных идет постоянная специализация и дифференциация функций отдельного человека. Вероятно, отсюда и способность, прежде всего Назирова-поэта, легко «переключаться» на создание текстов различного жанра и степени сложности.

¹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 104–116.

После смерти Назирова открывается архив ученого, значение и содержание которого до последнего было скрыто от близких и знакомых Ромэна Гафановича. И сегодня исследователи его творчества говорят о своего рода «загадке» назировского архива, имея в виду, конечно, не сам архив, а многогранную личность Назирова, поскольку сложно понять: по какой причине он, написав большое количество уже готовых статей и монографий, опубликовал в итоге лишь малую часть. Ведь в этом был огромный риск, поскольку архив мог подвергнуться уничтожению или просто попасть не в те руки. Об этом остается теперь только гадать. Возможно по причине того, что изложив заветные мысли на бумаге, Назиров считал свою миссию отчасти уже выполненной, а может быть потому, что где-то на дне души его грыз червь глубокого разочарования, несбывшихся надежд, а ценность научных трудов была для него самого важным, но не главным смыслом прожитой жизни.

Мнение

Б. Т. Рейзов считает, что Гюстав Флобер явился предшественником литературы, которая опиралась на интуитивизм Бергсона — т.е. одним из зачинателей декаданса. „Он ввёл в художественную литературу психологию логически не осмысленных побуждений, то есть то, что на языке эпохи называлось «физиологией».“

Философ Анри Бергсон (1859 - 1941) — провозвестник интуитивизма, согласно которому интуиция — особая мистическая способность проникновения в сущность вещей.

Мнение

Анкета журнала «Назирровский архив»

Ответы В. В. Борисовой

1. Как бы Вы оценили и описали востребованность трудов Р. Г. Назирова о Достоевском (и вообще его литературоведческих трудов) современной наукой?

В идеале — востребованность высокая, реально — недостаточная, хотя именно журнал «Назирровский архив» в большой степени способствует продвижению наследия ученого в научно-образовательной среде.

2. Что из его концепции по-прежнему актуально, что сохраняет только историческую ценность, а что требует дальнейшего расширения?

Все поэтологические работы Назирова актуальны и поучительны, в особенности образцы его реального и историко-литературного комментария, сопряженные с убедительной интерпретацией. Мне также близка идея Назирова о том, что этноконфессиональный контекст творчества Достоевского всемирны и не ограничивается только христианской традицией.

3. Насколько, по Вашему мнению, достоевсковед Назиров совпадал с магистральной линией развития отечественного достоевсковедения? Насколько советским/антисоветским литературоведом в Вашем восприятии является Назиров? Насколько он «академичен» / «неакадемичен»?

«Достоевский» период в научной биографии Назирова совпал с расцветом отечественного достоевсковедения в 1970–1990 гг., поэтому можно утверждать, что его труды вполне укладывались в магистральное русло российской науки. Он ведь был одним из ведущих авторов в серии «Достоевский. Материалы и исследования» в это время. В силу своего здорового академизма политизированных суждений в духе «советизма» или «антисоветизма» он практически не допускал или не желал допускать.

4. Какими Вам видятся отношения между его интерпретацией наследия Достоевского и концепцией М. М. Бахтина?

Ромэн Гафанович во-многом дополнил и скорректировал концепцию Бахтина. Это видно и по неизданной переписке с Г. М. Фридлендером и Б. О. Корманом. В одном из ижевских сборников была напечатана фундаментальная статья Назирова о взаимоотношениях автора и героя в произведениях Достоевского.

5. Какие труды Назирова о Достоевском (или о других писателях) оказались наиболее полезны именно в Ваших научных занятиях?

Все, что находится в поле зрения, в том числе и его лекции, которые я слушала в университете.

6. Знакомы ли Вы с его сравнительно-историческим описанием фабульного репертуара русской прозы («Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул»)? Насколько продуктивной она представляется вам на современном этапе развития литературоведения?

Да, конечно, знакома, более того, несколько моих аспирантов в своих диссертациях попытались использовать основные положения докторской диссертации Назирова, которая в наше время интерпретационного бума остается эталоном историко-литературного изучения механизмов имманентного развития художественной литературы.

Библиография

Кем только он не был! Был пожар-
ником, носил трупы в морге...

Зелёный сопляк, романтик моря, вти-
рает огки в отделе кадров:

- Год рождения?
 - 1930. (Врёт, ему 17 лет).
 - Национальность?
 - Вакханец.
 - Что-о?
 - В Греции я родился, вакханец, пони-
маешь?
-

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Тексты Р. Г. Назирова

1. Назиров Р. Г. Ещё раз о Достоевском и Гёте // Достоевский и современность. Материалы XXXII Международных Старорусских чтений 2017 года. — Великий Новгород, 2018. — С. 312–315.

Опубликованные труды о Р. Г. Назирове

1. Мильчина, В. XXIV Лотмановские чтения «Культура в состоянии “двуязычия”: теории и практики» (ИВГИ РГГУ, 21–22 декабря 2016 г.) [Текст] // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 4 (146). — С. 399–413 [О докладе С. С. Шаулова «Проза литературоведов: “ученость” и “художественность” как рецептивные модели и авторские программы»]
2. Салова С. А., Якубова Р. Х. Новый ваковский журнал по гуманитарным наукам (обзор литературоведческих статей) // Вестник Башкирского университета. — 2017. — Т. 20. — № 4. — С. 369–385 [О посвящённом Р. Г. Назирову блоке работ о Достоевском].

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

Лучшие советские стилисты: Федин, Паустовский и Олеша. Паустовский довоенный („КАРАБУГАЗ“, „КОЛХИДА“). Федин в „Первых радостях“. Олеша в „Зависти“. Там у девушки ключицы, как кинжалы, а колени шершавые, как апельсины. Вот это да! Сильные стилисты были покойные Ильф и Петров. Зато плохих стилистов, писателей без вкуса и чувства меры масса! Начиная с Максима Горького и кончая Панфёровым. Особняком стоят Молохов и Алексей Толстой. ГАЙДАР — замечательный стилист.